

Татьяна Уварова

ПРЕДЗИМЬЕ

*Стихотворения
(1966–2003)*

Московская
городская организация
Союза Писателей России
Москва
2004

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
У18

Татьяна Уварова. Предзимье. Стихотворения. – М.:
У18 Московская городская организация Союза Писателей Рос-
сии, 2004. – 272 с.

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Уварова родилась в Двенадесятый праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня 27 сентября 1946 года в г. Грозном в семье офицера. Кочевые военные звезды отца и мужа долго водили ее из конца в конец бывшего Советского Союза и даже за дальний рубеж: по Украине – Днепропетровск, Львов, Хуст, Коростень, Харьков, Донецк, Евпатория; по России – Ростов-на-Дону, Южный Сокол (о. Сахалин), Владивосток, Смоленск, Иркутск, Краснодар; по Грузии – Диди Шираки, Миха Цхакая; по Германии – Арнштадт, Потсдам, Дрезден. Совершенно неожиданно в 1994 году планида привела поэтессу в Москву.

Среднюю школу Татьяна Уварова окончила в г. Харькове (1964), Госуниверситет, филфак, отделение журналистики, в Ростове-на-Дону (1971). Работала литсотрудником, корреспондентом, корректором в газетах, заведовала библиотеками, была воспитателем детского сада, учителем русского языка и литературы, радиокорреспондентом. Ныне преподает журналистику в лицее, руководит Молодежным журналистским центром, делает материалы для радио и газет.

Стихи пишет с детства. Публиковала их с 1967 г. в газетах, журналах, коллективных сборниках и альманахах. Ее первая книга стихотворений «Полуночный аккорд» вышла в свет в 1990 году в издательстве «Советская Россия». Вторая книга «Молитва о Руси» была издана в 1996 году (М. РИФ «РОЙ»), третья – «Осенние листья» – в 1998 (М. ИВЦ «Маркетинг»).

В настоящую книгу включены как стихи прежних лет, так и новые под заглавием «ВИРА!» Тонкий и содержательный духовный мир Татьяны Уваровой, стремление разгадать тайны мироздания, любовь к родной земле и человеку, искусство доверительного душевного разговора с читателем, несомненно, привлекут внимание широкой аудитории.

СВЕТ НАДЕЖДЫ И ОПТИМИЗМА

Случаются в жизни знакомства с новыми поэтическими именами как бы проливающие, излучающие свет надежды и оптимизма. С таким высоким эмоциональным зарядом пришла в современную русскую поэзию Татьяна Уварова. Она выпускница Ростовского-на-Дону государственного университета, окончила филологический факультет. Может быть, поэтому у поэтессы апробированная и выверенная временем классическая манера стихосложения и письма. Однако это не мешает ей оставаться не только неповторимой и неподражаемой, но и легко узнаваемой в многочисленном ряду поэтических сестер. «Мчать напрямки не стану: Мне не страшна гроза. Я на носочки встану Дождь целовать в глаза».

В наше бездуховное время, когда в общественном сознании правят бал меркантилизм и эгоцентризм, лирика Т. Уваровой глубоко патристична:

В самом отдаленном захолустье,
Там, где дел еще невпоровот,
Сердцем я прильну к святому устью,
Где начало родина берет.

«В поэтессах хожу «молодых» и об этом ничуть не печалюсь», — пишет в одном из стихотворений Татьяна Уварова — человек поэтически одаренный, умеющий чутко прислушиваться к жизни и внутреннему голосу. Камертон ее души созвучен с тревожным пульсом времени: «От матери — главное в нас. Мы, может быть, ростом не вышли, Но в самый решающий час Мы станем сильнее и выше».

Дочь военнослужащего, жена офицера, Татьяна Уварова привыкла к походной жизни, исколесив с семьей всю Россию — от южных областей до Сибири и Дальнего Востока, включая Сахалин, а также — Украину и Грузию. Все это, естественно, не могло не оказать благотворное влияние на широту кругозора поэтессы и тематическое разнообразие ее лирики.

У Татьяны Уваровой свое видение мира и посему свой образный мир и творческое кредо: «Обидно девочке надменной Бездарной кистью рисовать... И привыкну к светлой доле Быть свободной, юной, нищей». А слова: «Зрячие руки рожают само совершенство» — можно смело отнести ко многим стихам самой Татьяны Уваровой.

*Валерий Аушев,
член Союза писателей России, академик*

ПОЛУНОЧНЫЙ АККОРД

* * *

Пусть жизнь не стоила гроша
И к смерти привела
Но у меня была душа,
Еще душа была.

Кто жил на свете, не греша,
Кто нажил добрый дом.
А у меня была душа,
Поющая при том.

Я шла по жизни, не спеша.
Был недалёк мой путь.
Но у меня была душа,
Незлобная ничуть.

Для многих сажа хороша –
Талант чужой губить,
А у меня была душа,
Способная любить.

Пусть кто-то с ловкостью ужа
Сквозь щель проник в успех.
А у меня была душа,
Открытая для всех.

Узнаю, в чем моя вина
Под звуки судных труб.
Но пусть души моей волна
Коснется ваших губ.

* * *

И тайной ваших губ влекома,
Нет, чтоб себя предостеречь,
Я ночью выхожу из дома
В осенний трепет наших встреч.
Сражаться в сладком поединке
Повадок и лукавых слов.
Под утро слушать тонкой льдинки
Укор под силой каблуков.
Предчувствуя зимы господство,
Печали стиснуть в две руки –
Прощаться, в дружеском сиротстве
Застыв, любви вопреки.

* * *

Знаю, буду я в итоге
Ночевать в пушистой туче.
Стану крохотной, летучей,
В голубой прозрачной тоге.

Не прельщусь в тот час я боле
Теплым кровом, доброй пищей.
И привыкну к светлой доле
Быть свободной, юной, нищей.

Только страшно заблудиться
В бесконечности Вселенной,
Где уже не повториться
Родине благословенной.

* * *

Вначале казалось: я женщина Ветра
И с ним мне куражиться долго.
Но все оказалось не так на поверку.
Я – женщина Долга.

Обиженный Ветер в бреду вакханалий
Меня забывает с надрывом.
Я знаю, что больше не будет меж нами
Безумных порывов.

И лишь иногда на душе неспокойно:
Скулит он щенком у подъезда.
Иль в окна стучится со свистом разбойным.
А выглянешь – бездна.

Мне женщиной Долга быть вовсе не трудно.
В роду моем – женщины Долга.
Судьбу вышиваю во сне непробудном
Упрямо и с толком.

Все вышито гладью – в семье моей гладко.
И кофеем пахнет в столовой.
Быть женщиной Долга достойно и сладко.
И больше ни слова...

* * *

В поэтессах хожу «молодых».
Но об этом ничуть не печалюсь.
Сколько раз меня били под дых,
Не слабо – не сопьюсь, не отчаюсь.

Не ищите морщин и седин:
Муза любит меня и лелеет.
Потому среди зимних рябин
Рот мой ягодой спелой алеет.

Берегут и огонь, и вода
Милосердно невечное тело.
Только все же грущу иногда,
Что так мало смеялась и пела.

Грозовые плывут облака.
Пью небесные терпкие струи.
И горячее сердце пока
Обжигают холодные струны.

В ПОЛЕ

Заскрипит телега
Шатко дорогой, пыля.
Прыгну в нее с разбега
И укачу в поля.

Носится за пшеницей
Ветер сухой по пятам.
Небо, подай водицы,
Спите вы что ли там?

Овощи выгнут круче
Щеки, вбирая сок.
Дай им, добрая туча,
Свой голубой сосок.

Мчать напрямки не стану:
Мне не страшна гроза.
Я на носочки встану
Дождь целовать в глаза.

* * *

Сосны всходят по холму
В облака тумана
Никогда я не пойму
Тайну их дурмана.
Для иных – лечебный дух.
Для меня, как брага.
Словно выпита за двух
Мной хмельная влага.
Золотой туман лучи
Разрубают, как мечи.
Показалось, как в бреду:
По холму я не иду,
А до самой вышины
Плавно долетаю.
От сосны и до сосны,
Проплывая, таю.
К освежающим стволам
Жарко льну щекою.
Пусть хоть сердце пополам –
Душу успокою.

* * *

Растоплен круг в окне заиндевелом
Дыханием моим. Гляжу туда,
Где стылый куст в опушке перьев белых
Нахохлился, как лебедь, у пруда.

Но не уплыть по леденцовой глади,
Что выюга лижет белым языком.
На тонком льду, как в прописной тетради,
Мороза почерк небесам знаком.

И я ступлю с высокого порога
В глубокий снег. И лишь тогда пойму:
Душа чиста, как белая дорога,
Нехоженная к счастью моему.

* * *

Итак, не сыграна игра –
И вечная ничья.
Прощай, еще одна пора,
Где только ночь и я.

Вот сломан острый карандаш
И скомканы листы.
Прощай, еще один мираж,
Где только я и ты.

Прощай игра – бессчетно ран,
Как бой, без слез, без сна.
И, здравствуй, стынувшая рань,
Где только я одна.

СЛЕПЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Вошла я в ворота приморского парка иль рая?
Откуда нежданно-негаданно это блаженство?
Слепые играют и так гениально играют:
Их зрячие руки рождают само совершенство.

О, хрупкие парни, в примятых дешевых рубашках,
Застыла пред вами, лишившись я сердца и воли.
И вижу воочью, что мама платочком мне машет
В предвечном последнем прощанье,
щемящем до боли.

Но это не смерть, а бездонное время покоя.
Прощанье в нем длится, как сон,
непробудный и светлый.
Играют слепые. И слушать их счастье такое.
Которое боги даруют из милости смертным.

Как можно столь ловко к изящной
струне прикасаться,
Как будто бы медью каленой боишься обжечься?
Как можно казаться придиричивым
взглядам красавцем,
Как будто в глазницах и не было вовсе увечья?

Но я вам прощаю наивное это коварство –
Жеманниц сердца завораживать
сладостным звуком.
Пусть будет незрячесть кокетству,
подобно лекарству.
Их прелести вас не пленят – для иных это мука.

Но падает вечер в глухие объятия ночи.
Концерт вдруг окончен, и боги слепые уходят,
Успех свой во тьму унося непорочно,
Провидя, что слава не в райские кущи уводит.

КАШТАН

Тысячу резных свечей,
 розово-белых,
Поднял каштан над мраком ночей
 юношей смелым.
Маяться сладко майской порой –
 дышится трудно.
Пахнет древесной терпкой корой
 в сне непробудном.
Лунным огнем зажечь фитильки
 надо б проснуться.
Тонкой, горячей моей руки
 ждут не дождутся.

САД СТРАСТЕЙ

Как черт от ладана бежит,
Бегу я от любви.
Душа от ужаса дрожит.
Нет, друг мой, не зови
В тот сад, где яблоки растут
Роскошные, как грудь.
Все женщины греховны тут.
В зрачках их изумруд
Пылает страстью. И пожар
Сжигает все мосты.
И раскаленный солнца шар
Ложится на персты.
Не удержать. Не унести,
А только падать ниц.
И душ погибших не спасти –
Сожженных мертвых птиц.
Я в том саду уже была.
Кусаю локоток.
Я в том саду уже пила
Любовный кипяток.
Там крылья я свои сожгла.
Зазубрен злой урок.
И еле душу унесла.
Спасибо, Бог помог.

ГРОЗА

Удушливо туча нависла над хатой.
Коней запрягали, скрипели возы.
Вдруг с поля пахнуло нагретою мятой.
И сердце вдохнуло начало грозы.

Вот кони ударили глухо копытами.
В дорогу! Прощай, опостылевший дом.
Как мелкой монетой, сорили обидами
В нем чуждые духом, весь август вдвоем.

Пути непогода размыла ручьями.
Гроза пировала на скатерти трав.
Я с радостью новой ловила глазами
Стремительной молнии красный рукав.

И сердце стучало: пусть будет, что будет...
О счастье грядущем рождало мечту.
Пусть горечь обиды душа позабудет,
Но помнит навеки грозы красоту.

ДОЖДЬ И Я

Пред дождем нещадно парит,
Точно в бане тело млеет.
Как слепой, рукою шарит
Сизый сумрак по аллее.

Пред дождем нещадно душит,
Точно воздух откачали.
Мне на грудь упали души
Мертвых птиц в немой печали.

За завесой скрылись дали.
Ветер пал в полях безбрежных.
На лицо мое упали
Запахи с деревьев нежных.

Я под сливою прилягу:
Силы петь, плясать не стало.
Сероглазого гуляку
Первой звать мне не пристало.

Он ко мне примчится лугом.
Звонкострунный дождь мне другом
Был всегда. При первой встрече
Он обнял меня за плечи.

Поцелуюм капель жадно
Губы жаркие подставляю.
И, когда отпустит жажда,
Влагу терпкую прославлю.

А когда свой спляшут танец
Струи, оборвутся струны.
Ветер выпьет чашей лунной
Солнца золотой багрянец.

НЕВИДИМКЕ

Профиль, начерченный мелом,
Тень в полуночном саду.
Призрак, какое вам дело,
Что я пою на ходу?

Эй, невидимка, послушай,
Суетный, злобный, скупой,
Не береги мою душу
Мертвенно-хладной рукой.

Прочь, не скули и не лапай!
Мужество в сердце найду.
Весело петь, а не плакать –
Выпало мне на роду.

КРЕЩЕНИЕ СМОЛЯН

Князь Владимир в Смоленске
гостил неспроста.
Он смолян окрестил
новой верой в Христа.
Окрестил не добром,
а мечом и огнем:
– Эй, дружина,
гони их к Днепру – окунем!
Византийский священник,
склонясь над рекой,
Осенял непокорных,
дрожащей рукой.
И сулил нам блаженство
в загробных садах,
Если жизнь проживем
в подневольных трудах.
В Днепр безжалостно сброшен,
как бездельник и лгун,
С Воскресенской горы
наш великий Перун.
Деревянный гигант
от обид обомлел.
Где же гнев его – гром
и огонь его стрел?
Мы вдоль берега мчались
и выли, скорбя:
– Выплывай, боже, выдыбай!
Мы за тебя!

Разгоняли нас копьями,
мяли бока...
Но без идолов жить
мы не можем пока.
Не настала пора –
без князей, без оков.
Мы растем еще,
малые дети веков.

* * *

Я оставляю вам все, что имею.
Не бриллиант, не звезду, не камю –
Душу, в которой бурлила весна.
Сердце, в котором звучала струна.
Ворох набросков, неполный стакан.
Низенький холмик, высокий бурьян.

1984 г.

УСПЕНСКОМУ СОБОРУ

Благословляю на века
Твое высокое стоянье,
Великодушие и знание
Великой тайны бытия!

Благослови и ты меня,
Собор уснувшей свято Девы,
Вдохни огонь в мои напевы.
Хочу счастливой быть и я!

Своей планидой кочевой
О, наконец-то, я довольна.
Собор смолян, мне было б больно
Не знать порог высокий твой.

Вновь возроди мой юный дух,
Как сам из пепла возрождался.
Он чуда этого заждался,
Как песнопения немой.

Благоговей, я войду
Под свод торжественно-высокий.
Воспрянет дух мой одинокий.
Слова молитвы прошепчу.

И, горько родину любя,
Я проплыву в твоих пределах
Легко, как облачко, без тела –
Поставить за нее свечу.

Гори, огонь любви, гори –
Ты память подвигов бессмертных
Сынов земли, ранимых, смертных,
Но не сдающихся врагу.

Гори, душа моя, гори,
С людскою радостью венчайся.
Людскими бедами отчайся.
Я быть счастливою смогу!

**Моей матери Елене Медведевой,
солдату Великой Отечественной войны.**

Я — послевоенный побег
Любви сорок пятого года.
Мой голос возрастила в себе
Девчонка в солдатских погонах.
Сквозь боль многочисленных тризн,
Шагая в грязи по колено,
Мне право давала на жизнь
Ефрейтор по имени Лена.
И в долгом бою за меня
Сносила неженские беды
Во славу великого дня,
Когда прогремела победа.
Шли будни потом нелегко:
Труду всенародная ода.
Всосала с ее молоком
Я гордое слово – «свобода».
От матери – главное в нас.
Мы, может быть, ростом не вышли,
Но в самый решающий час
Мы станем сильнее и выше.
И, если огнем опалит
Родимые кровли и пашни,
Швырнет не минутный порыв
Сразиться с врагом в рукопашной.
Я с теми уйду в этот бой,
Кто старшим – надежная смена,
Меня воспитала такой
Ефрейтор по имени Лена.

* * *

Серебристая россыпь
на стеблях травы.
Темный абрис
курчавой твоей головы.
Чуть заметный акцент,
бесхитростный взгляд.
Полуночный аккорд
чугунных оград.
Обоюдная хладность
целомудренных слов.
Безобидная шалость
откликаться на зов.
Близнецов сопричастность,
откровенья елей.
Бальзамический воздух
садовых аллей.
Шаг вернее и жестче
по былинкам тщеты.
Неожиданный росчерк
падучей звезды.
Мир незыблем и вечен:
ни гонца, ни творца.
И дороге к рассвету
не видно конца.

* * *

Багульник распустил бутон,
Едва лишь день забрезжил новый.
Вчера был бледно-розов тон
Бутона, а цветок – лиловый.

Вчера и мой был вечер тих.
С надеждой призрачной и зыбкой.
Сложила я нежнейший стих
Со всепрощающей улыбкой.

Вчера душа была – бутон,
Сегодня, как цветок, лилова –
И милосердия канон
Сломило яростное слово.

* * *

У меня в мечтах ты жил,
Молчаливый и влюбленный.
Город нас с тобой кружил
В карусели дней зеленых.

У меня в мечтах ты пел.
Враждовал твой голос с ветром.
И тончайший пух летел
С тополиных пряных веток.

У меня в мечтах слова
Песни той неповторимы.
Отщептали деревья:
– Мой любимый, мой любимый!

* * *

Ночь разлила свои чернила
На белый яблоневый сад.
И лунной кистью прочертила
Оконца узкие мансард.
Они мерцают, как лампы,
В их полутьме, как образа –
Мужчин неистовые взгляды
И женщин кроткие глаза.
Там звуки поцелуев, шепот –
Мне лучше были бы слышны,
Когда б ни юных листьев ропот,
Ни вздохи древней тишины.
А души, что в гитаре плачут?
А звон вина, что пьют до дна?
Здесь люди ничего не прячут.
Им радость общая дана.
А я, чужая, в белом платье,
В саду, как дерево, стою,
За миг любви, ожег объятий
Отдать готова жизнь свою!

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

С мёдом янтарным, клубничным вареньем
Рай городской в декабре.
Душу баюкает тихое пенье
Стёкол в густом серебре.

Только отрада сменяется болью.
Только недолог покой.
Слышит душа, как немое раздолье
Стонет за дальней рекой.

Как одиноки я как бесприютны
Стынут никем не любимы
Там, за чертой городского уюта,
Отчие избы без дыма.

Грудь материнского тёплого поля
В замети стонет и стынет.
Но никого эта страшная доля,
Грешные дети, не минет.

ЗНАХАРЬ

Меня ты во поле привел,
И ликовали мы:
Золототысячник расцвел
Для знахарской сумы.
Огней рубиновых не счесть
На зонтиках травы.
Не захочу ни лечь, ни сесть,
Ни вскинуть головы.
Ты научил меня срезать
Граненый стебелек.
Хотел мне о любви сказать,
Но все слова берег.
Твоей наукой дорожу.
Уехал далеко.
Траву я к ране приложу –
И заживет легко.

ПРОЩАЙ, МОЕ ЛЕТО

Денёчки досчитаны.
И машет мне лето
Платком малахитовым
Кустов бересклета.
В кармане билеты.
И шаг до вагона.
Куплю сигареты
В киоске перрона.
Не видно по-прежнему
Вдали силуэта.
Прощай, моё нежное,
Мятежное лето,
И хмель, и осока,
Тростник, и крапива.
Летала высоко.
Глядела счастливо.
Как верится трудно,
Что всё уже спето.
Усну непробудно.
Прощай, моё лето!

* * *

Не твоя, не чужая.
Прихожу, ухожу.
Свою тонкую руку
На плечо положу.
Мне всего восемнадцать.
Но ревнуешь ты зря.
Я – дитя золотого,
Как огонь, Сентября,
Неизбынно тоскующего,
Как ручей по реке.
Хоть сказала: – Люблю ещё!
А уйду налегке.
Непокорная, быстрая,
Только крылья – к плечам.
Потому так неистово
Стих взлетал по ночам.
Птицей, запертой в клетку,
Бился в стенах-тисках.
На судьбу свою сетовал
И свободы искал.
Я дитя своевольное
Отпускала на свет.
И дорогой цыганскою
Уходила вослед.
Да, Сентябрь лишь такую
Пестовал и растил.
Только грустью осенней
Он меня причастил.
Да ладонью остылой
Сжал от сердца ключи,
Чтоб ни лаской, ни силой
Не могли приручить.

1966 г

К МУЗЕ

Был тобой на заклятие отдан
Дух мой алчной пустыне листа.
Хлеб насущный до корки обглодан,
А история слишком проста.

Ты, которая песнь мне дарила
И за призрачным счастьем звала!
Отчего меня лишь опалила,
А желанным огнем не сожгла?

Я рванулась вослед за тобою.
Стук колес и пропеллеров визг
Завладели моею судьбою
И с моею мольбою слились.

Как старатель, искала упорно.
И, как нищий, подачки ждала.
Но теперь навсегда и бесспорно
Я не та, что когда-то была.

Без твоих снисхождений небесных
Обхожусь! Захочу – и лечу!
И земные нехитрые песни
Мне отныне самой по плечу.

ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ

Мы молчим с тобой, печальные,
Средь озерной тишины.
Тополя пирамидальные
Дотянулись до луны.

Я стою свечою белою,
Незажженной свечой.
Хорошо мне быть несмелою,
Не прижать к тебе плечо.

Улетели годы-лебеди
В невозвратную юдоль.
Упустили годы-неводы
Нашу первую любовь.

Не встречать с тобой нам зорьки.
Не уйдешь, сама уйду.
Яблоки мы съели горькие
В райском голубом саду.

НАШИХ ДНЕЙ ТОЛЬКО ДВА

Подкупи меня снова
Открытой и щедрой улыбкой,
Не видались полжизни –
И что за беда!
Наших дней только два,
Опьяненных осеннею скрипкой, –
Точно юная пара,
Кружат сквозь седые года.

Наших дней только два –
Лебединою парой
Уплывают на юг
И над старым Тбилиси поют,
Где подхвачена песня
Беспечной и звонкой гитарой
Где хорошего друга
По светлым глазам узнают.

Наших дней только два.
Остальные, как жухлые листья,
Равнодушно роняет
Редеющий куст – календарь.
Неприменно должны
Мы когда-нибудь душами слиться,
Чтобы вместе запеть
И заплакать, как встарь.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Позади и суд, и зона.
Мама с братом ждут.
А пока внутри вагона –
Кочевой уют.

А пока сугробы, ели –
Зелень с белизной –
Через сердце пролетели
Стаею сквозной.

А пока под Старой Руссой,
Над седой рекою,
Помахал мне парень русский
Смуглою рукою.

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Вернулась в деревенский дом
Сестра двоюродная Женя.
И написала мне о том,
Что мудрое пришло решение.
...Ушли лихие времена.
И в доме есть и газ, и баня.
Что каждый вечер из окна
Она глядит, как бродит Ваня,
Сосед, моложе на пять лет.
Черны, как смоль, его ресницы.
И, видно, в этом весь секрет,
Что по ночам ей плохо спится.
Сквозь окна, звездами звеня,
Небесный купол лунно светит.
Согласна Ванина родня.
И он – просил ему ответить...
А на рассвете ждут дела.
Вовсю ревет корова Дарка.
И поросенка завела.
От них извечная запарка.
Что сад невестится в цвету.
И хорошо стоять под сливой,
Припомнив детство – пору ту,
Когда была такой счастливой.
Что хорошо простор любить,
Лететь по ветру птицей шалой.
Из родника водицу пить,
Пропахшую снежинкой талой.
Что рады ей отец и мать
В своих ухоженных могилах.
И как отрадно понимать,
Что ты покинуть их – не в силах.

СТОЯЩИЙ НА МОЕМ ПУТИ

Стоящий на моем пути
Завистлив, алчен и жесток.
Он знает, мне не обойти
Всепограждающий поток.

Стоящий на пути моем –
Сам неудачник и фигляр.
Он любит душу взять живьем
И втиснуть в строгий формуляр.

А за моей спиной надежд
И спетых песен светлый рой.
А за его спиной невежд
Непробивной железный строй.

О ты, чей зов ко мне летит,
Читатель, ждущий впереди,
Простишь ли, если победит
Стоящий на моем пути?

* * *

Когда же сфинкс заговорит?
Немыслима разгадка.
Горит звезда твоя, горит,
Как на небе заплатка.
Ты ждешь еще одной весны
И песни лебединой,
Печалюсь, что слова пресны
И холодны, как льдины.
По жизни пешкой ты идешь:
Работа, дом – забота.
Но в сердце возбуждает дрожь
Несказанное что-то.
Оно шепнет и замолчит,
С тобой играя в прятки.
Да все по-львиному рычит
Жестокий сфинкс загадки.

ДОМ У САДА

Дом у сада на краю.
Мне бы жить в нем, сад лелея,
И сквозь узкую аллею
Пробираться, как в раю.
Обнимать жасмина куст,
Целовать уста черешен.
До чего их запах грешен,
Соблазнителен на вкус!
Потерять свое перо,
Дабы мысли им не комкать,
Чтоб рука привыкла помнить
Лишь лопату и ведро.
Но, к несчастью, я права:
Это только может сниться —
Навсегда здесь поселиться,
Точно птица и трава.

ЮНГА

Сквозь застенки уюта пойду напролом!
Вижу все наперед, чем судьба пригрозила.
Отплывать нам пора. Белый парус крылом
Корабельная мачта в туманы вонзила.
Мне не страшно из пристани тихой уплыть.
От бессилья души буря – лучшее средство.
Над опавшими листьями больше не ныть,
Не взводить свои беды в глобальные бедствия.
Пусть живетсЯ отныне с мечтой не в разлад.
И летят за кормой невозвратные мили.
Безмятежные песни слагаются в лад
О тебе, капитан мой, мятежный и милый.
Не дешевый каприз героини из драм
Дудки боцманской свист, светлый гюйс по ветрам.
Вечно юнгой торить временной океан.
Жизнь на штиль разделить и на шторм – пополам.
И в конечном порту, куда каждый влеком,
Когда лопнет в груди моей чаша терпенья,
Я всевышнюю волю приму как закон –
Чашу вечности брать или чашу забвенья.

1966 г.

МИР ГОРОДУ

У меня от мысли светлой –
ночь без сна.
И качаю еловой веткой
синь без дна.
И шепчу в любви исступленной
свой завет:
Ах мой город неугомонный –
окон свет!
Отчуждение и гордыню
прочь гони,
Карнавалами молодыми
прозвени.
Пусть на всяком свободном месте –
белый сад,
Чтоб ни сплетен, ни зла, ни мести –
светел взгляд.
Прокатись, куда сердце просит, –
гудит авто.
В лесопарке мельканье просек –
глуши мотор.
Карусели, ракеты, кони –
ликуй дитя,
И в упругие бей ладони,
в мечту летя.
Муза юная, пробуй голос,
звучанье лир.
Да пребудет с тобой, мой город,
вечный мир!

* * *

Она средь нас была иная,
Под бурею волос шальных
Во мрак шагнувшая, не зная
Житейских истин прописных.

Объяты шепотом греховным
Деревьев гибкие тела.
Укрывшись небушком пуховым,
В их сумрак девушка ушла.

С тех пор ее обитель – нежность.
А нам в зевоте лет пустых
Хранить в залог покоя – трезвость
И мудрость истин прописных.

ХУДОЖНИЦА

Обидно девочке надменной
Бездарной кистью рисовать.
Она с упорностью отменной
Решилась счастьем рисковать.
Стареть над блеклым натюрмортом,
Сгубив молодой автопортрет,
Ходить в халатике потертом
Бледна, как пепел сигарет.
Иной сказал бы: – Хватит муки! –
И сытый предпочел покой.
...Она же ловит красок звуки
Мятежным сердцем и рукой.

С ТАЙНОЙ СВОЕЙ МОЛЧАЛИВОЙ

Вьюги затеяли споры,
Ночь напролет провыли.
Утром ушли за горы
Облаком снежной пыли.
Ветер об острые трубы
Звонкие ранил губы.

С тайной своей молчаливой
Быть одиноко-счастливой
Мне нелегко.

Пес мой, на ласку падкий,
Празднует встречи удачу.
Войду по ступенькам шатким
В домик, похожий на дачу.
Зябко застыв у оконца,
Не запою, не заплачу.

С тайной своей молчаливой
Быть одиноко-счастливой
Мне нелегко.

Угли, как голуби черные,
В клетке воркуют каминной.
Тайны неизреченные
Звенят тишиной соловьиной.
В комнате с запахом тмина
Грезят на полочке вина.

С тайной своей молчаливой
Быть одиноко-счастливой
Мне нелегко.

ОТВЕТ НА ПРОКЛЯТЬЕ

В окне вагона я печалилась.
Вам льстила девочки слеза.
Я, уходящая, вам нравилась:
Вольна, как вешняя гроза.

Вы рассуждали неуверенно,
Взмахнувши из толпы рукой,
Что чувство жизнью не проверено
И стоит ли губить покой?

Но взмах руки разрезал намертво
Судеб связующую нить.
И виновата ли пред вами я
За все, что не смогли забыть?

Когда шептала: – Ухожу я, –
Вы отпускали, не кляня.
Невиноватую, чужую,
За что вы проклинали меня?

ВОСПОМИНАНИЕ О САХАЛИНСКИХ СНЕГАХ

На карте отыскала клин.
Знакомый абрис.
Далекий остров Сахалин –
Мой лучший адрес.

Снегов жемчужные дворцы
Почти до неба!
Метели снежные песцы
На плечи мне бы!

Кто не видал такой зимы,
Навек обкраден.
Ход к дому прорывали мы
Два раза на день.

И в окна лил лиловый свет
Сквозь призму снега.
На кресле, завернувшись в плед,
Дремала неа.

Мы шли с подругою на чай.
Снег крыш был выше.
И очутились невзначай
На вашей крыше.

Вы вышли в куртке меховой,
Такой печальный,
Чтоб сделать снимок роковой,
Навек прощальный.

На материк нам завтра врозь.
Труба дымится...
И белый снимок – время сквозь –
Летит, как птица.

* * *

С. Есенину

Мой милый, мой поэт, мой вождь,
Тогда ты превратился в дождь,
А что повесился – молва.
Свои волшебные слова
Ты с высоты теперь поешь,
А мы внимаем, не дыша.
Петля на шее – это ложь,
Когда поет твоя душа.

ОТЧАЯ КРИНИЦА

Дождь разгулялся по сельской улице,
Серый рисуя пейзаж.
Белые козы и белые утицы
Выплыли, словно мираж.

Шепчет старик свои просьбы иконе.
Женку приспали метели,
А сыновей деревянные кони
Мчат в городской карусели.

Вот бы, испивши родимой водицы,
Жизнь видеть в новом свете.
Время меняется: к отчей кринице
Скоро воротятся дети.

ОБ ОДНОМ ПОЭТЕ

Раб он семейных тенет.
Сцены, угрозы, попреки:
– Должен же где-то поэт
Брать эти нежные строки?!
Волчий оскал у жены.
Мертвая хватка бульдожья.
Будут мосты сожжены.
Будет простор бездорожья.
Ну, а пока, а пока
Хилый, покорный и тихий
Видит: ползут облака
Крышами старой Плющихи,
Пасмурный вечер убьет –
Мудрым аскетом пробродит,
В комнату ночью войдет –
Кровь неумная бродит.
Сядет писать о мечте –
Станут черты ее живы.
Строки любовные те
Будут нисколько не лживы!

* * *

Прощайте, вчерашний!
На шатких подмостках
Ломайте свой голос,
Пекитесь о славе.
Встречайте на людных
Меня перекрестках:
Случайность там вечно
Стоит на заставе.
Пройду я спокойно,
Нескованно, складно,
Заметив лишь мельком
Сконфуженный взгляд.
И только на лбу
Незаметная складка
Расскажет о том,
Что вернулась назад
Я мыслью холодной –
И вспомнила всё же,
Без слез поражений,
Без грома побед,
Как резала ложь ваша
Бритвой по коже.
...И сердца набат,
И мятеж, и побег.

ГЕОЛОГУ ВИРУ

Славянские мелодии в ночи
Звучат таинственно и сладко.
Приемник трепетно включи.
Полночь. Снег. Палатка.
В сетях таинственной тоски,
Геолог в свитере ершистом,
Меня ты помнишь? У реки
Мы мчались с гиканьем и свистом.
Летели бабочками дни,
Весеннею пылью сорили.
В душе мы слушали одни
Слова, но вслух не говорили.
Час мужества не миновал
И нас. Извечный час разлуки.
И зим холодный интервал,
И вёсен трепетные руки
Мы порознь в памяти несли,
Как волны наши расхлестнулись.
Но половодьем той весны
И мы когда-то захлебнулись.
Как счастливо, что не забыть:
Звон на реке. Лицо твое,
И льдин прозрачно-голубых,
Что сокрушают забвенье.

ПЛАЧ ПО БЫЛОЙ ОТВАГЕ

Тень ручки на бумаге.
И замыслы лихи.
Но нет былой отваги
Всю ночь писать стихи.

Ты вскинешь брови-флаги,
Приглянешься любой.
Но нет былой отваги
Всю ночь бродить с тобой.

Без дружеской ватаги –
Ах, лучше умереть,
Ведь нет былой отваги
До алой зорьки петь.

ПЛЕНЕНИЕ КОБЫЛИЦЫ

От знойного ветра
 иссохла земля.
Лиха кобылица.
 По степи кружится.
Ей хочется пить.
 Ну хоть пригубить!
Где сухо, где глухо,
 где тьма-кружевница,
С разбегу хлебнув
 полнолунную чашу,
Мчатся опять
 в полуночную чащу.
Ах, воля, ты воля –
 раздольное поле,
Пречистое небо,
 лучистое лето.
Бока ее – кручи,
 копыта до тучи
Бросает, сбегает.
 ...Но ночь уплывает.
Тревогу пробил
 боевой барабан.
И в зарослях мяты
 настигла орда.
На черные очи пал
 белый туман.
И в нежные губы
 вонзилась узда.

1966 г.

* * *

Предательство изведать мне дано,
Глаза и губы так ему подставить,
Что было и немислимо представить
В сюжете трагедийного кино.

Как торопилась я купить билет
На скорый, чтобы меньше остановок,
И теплых дочери купить обновок:
Не дай бог, ей в дороге заболеть.

Прости, мой стол, покинутый невольно.
Замок, открывшись, щелкнул, как курок.
Но почему переступить так больно
Постылый и отверженный порог?

Остановилась. Губы запеклись.
Как долго поцелуй Иуды длится.
...Но сделан шаг – душа взлетает ввысь,
Как клетку покидающая птица.

ПРОЩАЛЬНАЯ ОСЕНЬ

Эта осень стучится к нам в души
Упорно и страстно,
Как озябшая женщина
С тайной печалью своей.
Бабье лето прошло.
И природе жестокой подвластна,
Золотая листва
Облетает с упругих ветвей.

Ничего, что безумные ветры
Буянят не в меру,
С георгин оголтело
Срывая последний наряд.
Ты о чувствах молчишь.
Я тебя принимаю на веру.
Мне глаза твои ясно
О сердце твоём говорят.

Так пускай полыхают в костре,
Как пожухлые листья,
Застарелые слухи,
Что на руку только врагу.
Мне однажды хотелось
В два пальца неистово свистнуть
В ухо сплетнику –
Жалко, свистеть не могу.

Да, мы грешные люди.
И с нас не напишешь иконы.
Невозможно нам жить,
Никого, ничего не любя.

Умирают в душе
Наши скорбные стоны.
Мы жалеем других,
Но жалеть не умеем себя.

Ни в каких передрягах
У жизни пощады не просим.
Отдаемся работе,
Своих не считая седин.
Отчего же врасплох
Нас застала прощальная осень?
И друг другу в глаза
Мы как в зеркало долго глядим.

Не дано нам прощаться,
Как это умеют скитальцы:
Ничего за душой –
Только сердца осиновый лист.
У меня же до боли
Сжимаются пальцы.
И в зрачках твоих светлых
Печальные искры зажглись.

Когда страсти улягутся
В длинные звучные строки,
Когда годы уйдут
В невозвратную синюю мглу,
Мы стократно пойдем,
Как мы стали с тобой одиноки,
Разомкнувши ладони
На уличном людном углу.

РАЗВЕДЕННЫМ ДРУЗЬЯМ

Я вижу вас – у прошлого в кармане
Подобием забытых двух монет.
...Сидели вы в обнимку на диване,
А я вздыхала: – Пара – лучше нет!

Вам всё б вернуть, да путь назад заказан.
Два профиля – с горбинкой и прямой.
Влюбленных незатейливые фразы
Тогда казались мудростью самой.

В ту пору бог любви стрелял отменно.
До сердца доставали стрелы слов.
Коснётесь лишь друг друга – непременно,
Как ток, по телу пробежал озноб.

Клянусь душою, вы тогда не знали
И никому б поверить не могли,
Что друг от друга навсегда вдали
Не ждет вас смерть от скуки и печали.

Но перст судьбы! У каждого своя
Змеей дорога вьется за плечами.
И жмет в кольцо неблизкая семья.
И тайна слез жестокими ночами.

...Лишь памяти упрямой не избегнуть –
Увидеть вдруг себя со стороны:
Два профиля, взошедшие над бездной.
Два сердца — две полночные луны.

* * *

Меня спасли от славы,
Иль доброй, иль дурной,
Зеленые дубравы
Провинции одной.
Немыслимая спешка,
Текучка-маета,
Как старого орешка
Гнилая пустота.
Кастрюли и тарелки,
И веник, что в пыли,
И сетки-безразмерки,
И сумки до земли,
И поварская книга,
И в выварке бельё,
Любовная интрига,
И сплетников враньё,
И строгое чтение
Тетрадок по ночам,
И планов написание,
И протокольный хлам.
Сказала слава: – Что ты,
Я не пишу отчеты.
Коль мне твои заботы,
Подохну от зевоты.

ПИСЬМО ИЗ ПРОШЛОГО

Выболело – виски не выбелило.
Вы стали паинькой, свой быт наладили.
Учитель-время главное выделило,
А все неглавное оно загладило.
Я плохо помню вас, но благодарна
За зрелый опыт – не жить вульгарно.
...А было время – в зрачках тонула.
И вы о чувствах так сладко пели.
В какую бездну я заглянула!
А вы и дальше так жить хотели.
А вы и дальше делили б душу
Для двух любимых – на два клочечка.
Вам было страшно, что я не струшу.
Вы были правы: в итоге – точка.
Лет через десять, презрев пределы,
В письме нежданном вы написали:
– И волки сыты и овцы целы,
Хоть наши розы давно опали.

* * *

На безлюдных аллеях
Листья желтые жгут.
Подожгу, не жалея,
Чувства тоненький жгут.

Ухожу, напевая.
Ты меня не неволь.
И последним трамваем
Возвратиться позволь.

Я не лгу, не лукавлю,
Ни к кому не хожу.
Сквозь высокие травы
На закаты гляжу.

Осторожно босая
Прохожу по жнивью.
Никому не мешая,
Свои песни пою.

НА ИНДИЙСКОМ ФИЛЬМЕ

Странные слезы текут.
Век о себе не заплачу.
Стойко сношу неудачу,
Подлость, болезнь, неуют.

Любят, поют, предают
В фильмах индийских герои –
О, как наивно порою!
А теплые слезы текут.

Страсти безумно влекут.
Правды в них мизер, как в сказке!
Но по всевышней указке
Добрые слезы текут.

* * *

Н. Уварову

Алой малины ягоды спелые.
Томной акации запахи белые
И звездопад в бирюзовом краю –
Все мне в награду за кротость мою.
Что не копила, не наряжалась,
Вслед кочевать за тобою решалась.
И, как в награду, чтоб плечи не стыли,
Ты распластал надо мной свои крылья.

О РОДИНЕ

Радость узнала я –
Видеть ее края.
Что же молчит моя
Песня, любовь тая?

Мало осталось дней.
И оттого больней,
Что не сказать о ней
Искренней и нежней.

СУДЬБА

С цыганкою черной, как галка,
Судьба меня как-то свела.
Гадать предложила гадалка,
А я ей ладонь не дала.

Она не простила обиду:
Закон их цыганский таков.
И бросила вслед мне для виду
Горсть с детства заученных слов:

– Живи ты в тоске и тревоге.
И сбитой до крови стопой
Весь век свой шагай по дороге
С цыганскою злою судьбой!

Я много дорог исшагала.
А все не уймется тоска,
Что мало еще повидала,
А жизнь коротка, как доска!

О, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ!..

О, родная земля,
ты мне видишься с болью
Распростертою сукой
на откуп бессчетным щенкам,
Этим жадным, слепым,
воровскую почуявшим волю,
Присосавшимся к стертым твоим
и кровавым соскам!
Лапы алчно гребут
бриллианты, машины и дачи,
Зарывают излишки.
Хоть матери стало больней,
Им на то наплевать:
жить они не умеют иначе.
У двуногих матерых щенков
нет сочувствия к ней.
В иждивенческом царстве
они зажирели без меры.
И рычат на тебя,
и когтищами душу дерут:
– До костей оскудела,
не стоишь любви и веры!
– Слюни жадно глотая,
про блага за морем орут.
О, родная земля,
отряхни с себя жалкое семя,
Ненасытные пасти
во гневе святом растопчи!
Бьет – ты слышишь – в набат
революции грозное время?
Совесь лучших сынов
поднимает за правду мечи.

1988 г.

СУЛИКО

Прости, Сулико,
Что ты в черном всю жизнь проходила,
Свой траур неся с незапамятных огненных лет.
Одна лишь припомнишь, какие ты очи любила,
И скажешь обычное: «Не было равных им, нет!»
Склоняю колени пред гордой воителя тенью
И верю: Ревази был строен, и смел, и силен.
Каких бы тебе сыновей подарил – загляденье!
И радостью был бы навеки твой дом заселен.
Прости, Сулико, за твои одинокие ночи,
За слезы, кропящие землю соленым дождем,
За то, что мы любим теперь и слабей, и короче,
И в сердце тревогу глуша, до скончанья не ждем.
Прости за отнюдь не дешевые пестрые платья.
За смех легкомысленный в сером дыму сигарет,
За то, что причины, увы, не находится плакать,
А плакать бы надо над ворохом прожитых лет.
Не чу я рулады бездушной напыщенной речи,
Свой долг неоплаченный совестью строго храня.
И труд самый тяжкий мне кажется легкого легче,
Когда, Сулико, ты с надеждой глядишь, на меня.

* * *

Ветер ворвется осенний
В настежь открытую дверь.
Нет, вам не будет спасенья
В омуте прошлых потерь.
Станут сомненья напрасными.
В душу вольется тепло.
Ясень лоскутьями красными
Мутное вытрет стекло.
Встречу отметим, как праздник:
Белую скатерть на стол!
Седоволосый проказник,
Вновь вы рассыплете соль.
Скверная к ссоре примета –
Горсть кристаллических слез.
Только не те наши лета –
Верить в приметы всерьез.
Чтобы навек расставаться,
Умничать, вздорить, глупить,
В правде своей сомневаться,
Горе в бутылке топить.
Будет, как прежде, искриться
Зелень распахнутых глаз...
Жаль – это только мне снится,
Снится в который уж раз.

ПЕСЕНКА О НЕОБЪЯСНИМОЙ ПЕЧАЛИ

Сердце печалют следы на песке,
Серый челнок на туманной реке,
Пепел костра на другом берегу...
Эту печаль объяснить не могу.

Она не нравится тебе.
Ты говоришь: в моей судьбе
Лишений нет, трагедий нет.
Горячих слез, жестоких бед –
Их, слава богу, тоже нет!
Нет! Нет! Нет!
...А я люблю свою печаль.

Сердце печалют дымок над трубой,
Горестный взгляд у собаки рябой,
Старый пастух на зеленом лугу...
Эту печаль объяснить не могу!

Она не нравится тебе.
Ты говоришь: в моей судьбе
Лишений нет, трагедий нет.
Горячих слез, жестоких бед –
Их, слава богу, тоже нет!
Нет! Нет! Нет!
...А я люблю свою печаль.

ПРИТЧА О ДОМЕ

Дом был свободен от постоя,
Под ставнями цвела сирень,
Когда его влюбленных двое
Нашли в погожий майский день.

Свои нехитрые пожитки
Они мгновенно принесли.
Надраив на камине плитки,
Ночной огонь в нем развели.

Стихи читались вдохновенно.
Вертинский нам с пластинки пел.
И дом стихал самозабвенно,
Лишь половицею скрипел.

Но ты мечтал о переменах,
Бродячий ветер возлюбя.
Вдруг стало скучно в белых стенах
И дом не удержал тебя.

Года промчались гончим псом.
Мы долго по свету скитались.
Единожды предавши дом,
Предав друг друга, мы расстались.

В хитросплетениях дорог
Тоска настигла нас в ненастье.
И дом печалью изнемог.
Но не вернуть бедняге счастья.

* * *

Как ты сжился пошло
С женщиной нелюбою.
И самой ей тошно
Быть нелюбимой Любою.
Поглядишь в глаза ей
По капризу случая –
Вспомнишь, как лобзает
Та, другая, жгучая.
У жены отменные
Лепятся пельмени.
Здесь владенья ленные
У мужицкой лени:
Мягкая лежанка,
Тишина, покой,
И Любовь-служанка
Верно под рукой.
Всё мрачит деталь одна,
Что в судьбе важна –
Чья подушка холодна,
Ну, а чья влажна?!

* * *

Мне не избавить память от возврата
В наш океанский город голубой,
Где лунный блик на бухте, как заплата,
Где не навек прощались мы с тобой.

И сердце не избавить мне от жженья,
Ведь помнятся реальные вполне –
Твой долгий взгляд и головокружение
На штормовой безжалостной волне.

У памяти – жестокая усмешка.
Я загадала о своей судьбе,
Но выпал не орел – а снова решка,
Не отыскать дороги мне к тебе.

САХАЛИН

У тонкой ледяной реки,
У синих сопок
Раскинул крыши, как платки,
Поселок Сокол.

Тебе спасибо, мой отец,
Спасибо, мама!
По зову молодых сердец
Шли в жизни прямо.

Далекий остров в белой мгле
И снежной пыли
Вы отыскали на земле
И полюбили.

Снега и ветры здесь шалют,
Порой жестоки.
Здесь люди ищут, говорят,
Свои истоки.

Судьба армейская трудна.
Туман падучий.
Да только родина видна
Отсюда лучше.

* * *

О, Грузия, тебе привет
Издавека-далёка,
Где тишь немецких деревень,
Озёрная осока,
Где острой крышей города
Вонзились в блёклость неба,
Где не хватает нам всегда
Тепла родного хлеба.
Душистой корочкой лаваш
Под белизной сулгуни.
Край незабвенно щедрый ваш,
Где сердцем не солгу я.
Там гладит смуглая ладонь
Лист изумрудный чая.
Там за вином твоим, Ладо,
С друзьями не скучаем.
Там нежно-золотой оранж
С упругих губ стекает.
Там счастливо впадаю в раж
И думаю стихами.
Там горы рассекают высь
Мечами снежных пиков.
И там гляди – не наглядись
Красою гордых ликов.
Я жду свидания с тобой,
Как птицы ждут рассвета.
Сроднись навек с моей судьбой
И сердцем будь воспета.

* * *

Хулиган, несмышленный мальчишка,
Наглый взгляд, нетерпение рук,
Затеваешь со мной в кошки мышки
С превосходством наивным игру.

Ты мышонком оплачешь беспечность.
И поймешь, безысходно любя,
Что зрачками зелёными вечность
Без пощады глядит на тебя.

ЭЛЕГИЯ В ДРЕЗДЕНЕ

Дрезденские клены и осины,
Не держите на меня обид,
Что в потухшей предвечерней сини
Так душа тоскует и скорбит.
Город-живописец тратит краски,
Незабвенных улиц ткёт тесьму,
Но в аллее роз, как в старой сказке,
Нет покоя сердцу моему.
Год я здесь. Про все сужу резонно.
Странна мне туристов суетня.
Много раз Сикстинская мадонна
Ласково глядела на меня.
С трепетностью вечной ученицы
Гениев твореньям поклоняюсь,
Знаю, далеко летают птицы,
С родиной удерживая связь,
Где не ждут ни слава, ни богатство,
Ни уют домашнего гнезда.
А зовет тепло родного братства,
Светит путеводная звезда.
В самом отдаленном захолустье,
Там, где дел еще невпроворот,
Сердцем я прильну к святому устью,
Где начало Родина берет.

* * *

У меня нет толкачей.
Не люблю тех, кто ловчей.
Лицемерием речей
Не стыжу своих очей.
И наивных силачей
Не ловлю в сетях ночей.
В отблеске чужих лучей
К славе не ищу ключей.

МОЛИТВА О РУСИ

* * *

Я птица на Божьей ладони, –
И более я ничего.
Душа моя сладостно стонет
В огне вдохновенья Его.

Бездомность меня не пугает.
Я жаворонок кочевой.
И комнатным попугаем
Не станет мой голос живой.

Полна я любви и смиренья.
От алчных забот далека.
Обычное Божье творенье,
Как в солнечный день облака.

Как много нас, птиц, у Иисуса!
Он сыплет нам зерна добра.
Не знаем мы горького вкуса
Ни золота, ни серебра.

Сплетаются голод, и смута,
И зависть, и злоба, и месть.
Но выпадет счастье кому-то
Пропеть людям светлую весть.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Мой Ангел Хранитель –
Певучая птица.
О, как среди ночи
Легко нам летится!
Душа веселится,
Светло нам поется.
И Божие слово,
Как мирро, к нам льется.
Мой Ангел Хранитель
Не спит, не скушает.
И днем меня песней
Своей привечает.
Мой Ангел Хранитель
Ни ночью, ни днем
Играть не дает мне
С опасным огнем.
Мой Ангел Хранитель,
Мне посланный Богом,
Со мною кочует
По дальним дорогам.
Хранить неусыпно
Он будет меня
До трубного гласа,
До Судного дня.

* * *

Белая лошадь России
со спутанной гривой
Загнана в угол медвежий,
где леший дурачит.
Кто этот конюх,
нетрезвый, тупой и ленивый?
Кем тебе путь этот крестный
извечно назначен?
О, неужели мы все
над тобою злодеи?
Где же предел
нашей глупости и окаянству?
Вольные ветры
уносят гнилые идеи.
Речи пустые уходят
в пустое пространство.
Но остаются над речкой
плакучие ивы.
Страх перед голодом,
перед звериною пастью.
Белая лошадь России
со спутанной гривой,
Ты моя боль,
моя вера,
надежда на счастье.

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ МАМЕ В КРЫМ

Ветер с моря мокрым снегом сеет
Стылую печаль на мостовой.
Лекарь самый лучший не сумеет
Скрасить, мама, день кошмарный твой.
Как мадонна, ты была безгрешна.
Люди от тебя не знали зла.
Так за что судьба, какого лешего,
В черную трясину завела?
...Крым январский, безутешно стылый,
За окном живет своей бедой.
И рассвет, как свечи на могиле,
И закат, как камень под водой.
Вы с отцом печалитесь, как дети.
Вдруг пронзает сердце, как стилет,
Мысль, что у меня не хватит денег
На безумно дорогой билет.
Что в стране, где меж родными-близкими
Разорвали властолюбцы нить,
И не только ставитьobeliski,
Не на что уже похоронить.
Не печальтесь, я не дам промашки.
Лишь услышу похоронный звон,
То продам последнюю рубашку,
Но куплю билет за миллион.
Из далекой голубой Сибири
Я примчусь поцеловать, обнять.
Никакие негодяи в мире
Не сумеют этого отнять.

МОЛИТВА О РУСИ

Праведный Боже, надежда Иисус,
Молюсь Тебе слезно, усердно молюсь.
Я ничего не могу изменить,
Лишь верить могу и умею любить.
Рок надо мной, над моею страной,
Где вечно сражаешься Ты с Сатаной.
Слово мое, как травинка в стогу.
Я научить никого не могу.
Люди устали от криков души.
Пьют ли, стреляют, считают гроши,
Плачут, ишачат, с трибуны галдят,
Демоны зла наши души едят.
Господи! Свет в наши души пролей,
Чтоб думали чище, творили светлей.
За Беларусь, и за Малую Русь,
И за Россию Тебе я молюсь.
Точно ножом, разделила граница –
Общая рана кровит и гноится.
Три богатырских души разделила
Чуждая русичам злобная сила.
Каждый посажен на хитрую цепь:
Злу ненавистна их общая крепь.
Братьев единой утробы до рвоты
Пичкали ложью лжепатриоты.
Псы отработали честно куски,
Те, что бросали им в пасть чужаки.
За Беларусь, и за Малую Русь,
И за Россию, Господь, я молюсь.

– Отче! – зывают из славной дали
Все собиратели Божьей земли.
Русские князи в небесной стране
Бросили вызов на бой сатане.

Господи, я Тебе сердцем молюсь:
Сомкни воедино Великую Русь!
Тяжесть грехов нам сполна отпусти.
Отче! Помилуй детей и прости!

МОЛИТВА ЗА НЕВИННЫХ

Господи, как странно, что вокруг
Чистых душ слабеет свет в ненастье.
Господи, как страшно, враг и друг –
Ищут все виновников несчастья.

Огради невинных, Боже мой,
От расправы скорой и кровавой.
Разве будут эти судьи правы
Из толпы, от ярости слепой?

МОЛИТВА СТРАННИКОВ

Звезды раскрыли небес фолиант.
Стынет боярышник, и не помочь.
Льдинка на веточке, как бриллиант,
Лунной улыбкой играет всю ночь.

Как хорошо, что Ты помнишь о нас,
Странниках вечных, Всевышний Отец.
Танец снежинок лишь праздник для глаз.
Теплый ночлег нам, как праздник сердец.

Вот потому мы поем у огня.
Делим по кругу бесценный Твой хлеб.
И не боимся грядущего дня,
Даже кто болен, увечен и слеп.

Искры бездумно летят по Руси.
Так вот и мы продолжаем свой путь.
Отче наш, злобу в сердцах погаси
И научить нас любви не забудь.

МОЛИТВА ЗА НЕПРОЛИТИЕ КРОВИ

Господи, уйми эти своры.
Словом всемогущим уйми.
По земле моей гуляют воры.
Измываются над добрыми людьми.

Господи, не дай пролить мне крови,
Даже моего врага.
Испытай меня, но этого кроме,
Гневу дай уйти в берега.

* * *

Кто бы ни были мы
И откуда бы мы ни пришли,
В отраженье озерном
Свои обнаруживши лики, —
Мы искали ответ
И извечную мудрость нашли.
Дух любви озарил нас,
Он истинный Бог и великий.
Его правила жизни
По-детски светлы и просты
В нашем сложном,
Как ребус, запутанном мире.
Не отвергни любви —
И найдешь утешение ты,
И с пути не собьешься,
Внимая Божественной лире.
Для того приходил Он
В земную жестокую муть,
Для того Он испил
Свои горькие смертные муки,
Чтоб открылись сердца,
Постигая спасения путь,
Для всеобщей любви
По Его милосердной науке.
Мы отныне друг другу
С любовью откроем сердца.
Мы не станем, как прежде,
Сражаться жестоко.
Мы признаем ошибки,
Прощенья прося у Отца.
Мы вернемся к Нему —
И не сгинем во тьме одиноко.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Синий огонь в предрассветной ночи
В сердце горит, не сгорая.
Нежное слово скажи, не молчи
Из безмятежного рая.

Не отцвело твое сердце цветком,
С черной землей не смешалось.
Ветер пушистым рязанским платком
Пусть обернет мою жалость.

Молча у озера я посижу,
Там, где камыш и осока.
Душу к душе обращаю и спрошу,
Как же ушел ты до срока?

И ликовала болотная тля.
Мать же не знала покоя.
На соловьиное горло петля
Брошена злобной рукою.

Песен твоих бесподобный бальзам,
Сколько ни пей – не напиться.
Буду в тоске предаваться слезам
Я, неутешная птица.

Вместе заплачем горячим дождем
Над горемычной строною.
Теплись, надежда, еще подождем:
Светлое имя дано ей –
РУСЬ!

* * *

Марине Цветаевой

Хнычущий кран перекрою.
Крошки смахну со стола.
Кухня ночью порою
Станет не так уж мала.
Взгляд устремится сквозь стены,
Словно сквозь горный хрусталь.
Близится час откровений.
Шепчется звездная даль.
Скачет из лунной пустыни
Золотогривый Пегас.
Помнит: подруге Марине
Время взлетать на Парнас.
Злые и добрые души
Спящих витают вокруг.
Мы их покой не нарушим,
Золотокрылый мой друг.
И пронесемся, как птицы –
Легкие взмахи крыла.
Мы им прольем на ресницы
Теплые слезы добра.

«Час откровений»
Художник Татьяна Чадаева

* * *

Живи своим умом.
Иди своей дорогой.
И на своих двоих
Тащись куда-нибудь.
Купи редиску, соль.
Не думай, ради Бога,
Что твой талант зарыт,
И зонтик не забудь.

На улице опять
Не лучшая погода.
С утра забрынькал дождь
О жестяной карниз.
И на седьмой трамвай
Стоит толпа народа.
Забыла кошелек?
Ну так домой вернись.

А дома тишина.
Спит нервная собачка,
Из-за кота совсем
Охрипшая вчера.
Так где же кошелек?
Вот глупая задачка:
Он дома иль в руках
Карманного вора?

Грех было б не украсть
У эдакой растяпы.

Ведь в голове седой –
Все юный кавардак,
Где рифмы на любви,
Как на крестах, распяты
И чувства гомонят,
Как дикая орда.

Остаться дома – рай.
Прижать перо к бумаге.
Знать: слава – мишура,
Забава для детей.
И в ней ли счастья суть?
Когда душа в отваге
Для Господа поет
И Он внимает ей.

* * *

Мне Божественная сила
Преимущество дала:
Жить внутри себя красиво:
Там светло и нету зла.

Мне бы только хлеб да воду,
Да желание тихо петь.
Долгожданную свободу
Быть услышанною впредь.

И, казалось бы, какое
Дело мне до бед людских?
Только нет и мне покоя –
Кровью сердца плачет стих.

* * *

У большинства – немая роль.
Кругом разор – что это значит?
На паперти калека плачет –
Меня настигла его боль.
Мелькают черные мазки...
Душа моя оледенела,
Достигнув горького предела
Российской муторной тоски.
Опять сулят нам светлый путь,
Но и дурдом уже не верит.
А нувориш словами вертит,
Лгать не стесняется ничуть.
И за порогом нищеты
Все люди стали злы, как черти.
О, если бить начнут, поверьте,
То тех, чьи помыслы чисты.
Здесь исстари ведется так:
Невинной кровью откупиться,
Святой водицей окропиться –
И снова воровской бардак.

* * *

Белоснежная Муза
В изящных одеждах
Шла со мною,
Серебряной лирой звеня.
Но, увы, обманулись
Мы в светлых надеждах:
Толпы пьяных и нищих
Окружили меня.
Крыли матом и плакали
Грязью соленой,
Проклинали правителей
И трепачей.
И скривилась брезгливо
И удивленно
Белоснежная Муза,
Пряча светоч очей.
Она в сладкие грезы
Взлетела, не медля.
И звала меня долго
И нежно звала.
Но бродяги швырнули
В нас нищенской медью.
И сквозь черные толпы
Одна я пошла.

* * *

В Зазеркалье мы живем,
Как в чужой стране блуждаем.
Наобум вперед плывем,
Всех бесстрашно осуждаем.

Мы любили палачей,
Трепачей теперь мы любим.
Трепещите, щепки, чей
Лес, последний лес мы рубим.

Безутешный дождь косой
Застывает в лед зеркальный.
И маячит та, с косой,
Вперив взгляд маниакальный.

Надо б зеркало разбить
Да разрушить злые чары.
Только гневом не избыть
Справедливой Божьей кары.

* * *

Среди снежного раздолья
И скудеющих берез
Мой народ лихая доля
Губит долго и всерьез.

На холодном пепелище
Зависть гложет и печаль.
Кто-то рубит, кто-то ищет,
Чьей же головы не жаль.

И, как куры на подворье –
Под родню да под себя, –
Все подряд сгребают воры,
Пылко родину губя.

* * *

Отрадно в мирке захолустном
Из воздуха фразы лепить:
Вот пес в настроении грустном
Приходит из мисочки пить.
Вот луч из блестящих пылинок
Колонной стоит у окна.
Халат, как молящийся инок,
И лишь голова не видна –
Наброшен на спинку дивана –
И в этом жилище простом
Не видно другого обмана
И алчность нейдет на постой.
Пока что здесь хлеба в достатке.
А в кране в избытке вода.
И стих сочиняется сладкий.
И бедность еще не беда.
Ах, много ли надо пернатым?
Родное гнездо да зерно...
Пираты, не рушьте пенаты,
Идите в свое казино!

* * *

Не Бог весть что тетрадь моя.
Душа творит работу.
Ее перечитаю я
В час отдыха в субботу.
Перечитаю и вздохну:
Что жизни я не рада –
Все рву тревожную струну
Средь сумрачного сада,
Где за спиной таится зло
И вечный страх за дочек.
Но нет! Летит врагу назло
Мой белый голубочек.
Благую весть несет с небес
Надеждой сердце полнит.
Воистину Христос воскрес.
Он любит нас и помнит.

СИБИРСКИМ КАЗАКАМ

Безысходно легко
Выбирать свою долю.
Мутноглазый февраль
Безразличней стены.
Вороного б коня!
Да промчаться по полю,
Что не помнит давно
Ни сохи, ни войны.
Где-то в мире ином
Нет забот, нет печали

Почерневших от сажи
Иркутских снегов.
Белизна голубеет,
Как будто вначале
Светлый ангел прошел
По земле казаков.
Так когда это будет,
Чтоб сердце сжималось,
Изливая любовь,
Излучая добро?
Чтоб жестокая плетка
С водкой злой не венчалась,
Да и вместо души –
Не гнилое нутро?
Безысходность проста,
Но ее мы не примем.
Русь-держава стоит,
Ей унынье претит.
Мы законы Твои,
Наш Господь, не отринем,
Нас молитва святая
От беды оградит.
Наша слава жива.
Да и сами мы люди,
Не сибирские волки –
Лесной самосуд.
Нашу правду вернут,
Принесут не на блюде –
Но на честных ладонях
Ее принесут.

ГЛАС НАРОДА

Что делать, мама, мне скажи?
На всей святой Руси
Идут такие грабежи,
Что, Господи, спаси!
Блефуют в креслах господа:
Все липнет к их рукам.
Проснется совесть ли когда
В душе у паука?!
А я бездомен, словно пес.
Украден мой запас.
И фигу сунул мне под нос
Тот, кто герой сейчас.

ЧЕРНЫЕ

Среди красных, среди белых
Вижу черных – оголтелых
И вконец осатанелых
Человеческих врагов.
Среди белых, среди красных
Эти черные всечасно
В зле своем единоголосно
Губят правду и любовь.
И прекрасную идею,
И великую Рассею
Поиметь бы им да власть –
Кровушки напиться всласть.
Милосердный Боже правый,
На глумленье и расправу,
Как в те страшные года,
Не отдай нас никогда.

КАРАТИСТКА

Громила, напившийся в стельку,
Выл, волчьи оскалив клыки:
– Не выпущу к маме с недельку,
Так станешь лизать сапоги.

Кастетом свинцовым игрался.
Наборною финкой стращал.
Он властью своей упивался.
И мрачные краски сгущал.

– Зовут меня, деточка, Вовкой.
Твой страх мне напомнил овцу.
Когда те наскучит издевка,
Шарахни меня по лицу!

Но стал удивленней ребенка,
Согнувшись от боли дугой,
Когда ты подошвы рифленку
Впечатала в рожу ногой.

* * *

Ты просишь любви.
Для чего тебе, старый повеса,
Волнение в крови
И последствия бурного стресса?
В пустыне души,
В том давно нет секрета,
Греши, не греши –
Вырастает лишь боль пустоцвета.
Налей лучше пива
И воблу разделий искусно.
И буду лениво
Я слушать про пылкие чувства.
Давай-ка, дружище,
Не будем морочить друг друга –
В душе пепелище
И воеет холодная вьюга.
Ведь ты ни меня, ни себя
Никогда не обманешь.
А будешь любить не любя,
Сердце снова изранишь.
На стенке бокала
лишь пена от терпкого пива.
Прости, я устала.
Давай разойдемся красиво.

* * *

Мужу Николаю

Дорога поздняя мне выпала.
Иду по снегу чуть пьяна,
Как будто полфужера выпила
Маджари – юного вина.
Сугробы пышные в алмазинках.
Глядит уж третий сон народ.
И не нуждается в проказниках
Пустынных улиц поворот.
А я сама себе хозяйка,
Неподотчетна никому,
Спешу, подишь ты, угадай-ка –
В свою домашнюю тюрьму,
Забыв про годы, отшумевшие,
Как прошлых недругов молва.
И, наконец, понять сумевшая,
Что жизнь по-своему права.
Пусть отгорели страсти жгучие
Костром прекрасным на снегу.
Но новые найти созвучия
В душе усталой я смогу.
Одно окошко не погашено,
Мне посылает щедрый луч.
И я держу от счастья нашего
В руке горячей верный ключ.

* * *

О Новый Год! Я на твоих пирах
Пляшу с Морозом, белым и усатым,
И отражаюсь в елочных шарах
Веселым клоуном носатым.

Румяный мальчик расколол орех
И дал мне золотую половинку,
Но мы не знаем, что такое грех, –
Глаза в глаза – и то для нас в новинку.

Я девочка, мне так немного лет.
Сок мандарина с жадностью глотаю.
Снежинок созывают на балет –
И я сейчас от радости растаю.

На платье блески, как искристый снег.
Метелью кружев марлевая юбка.
Порхать в кругу и быть красивей всех.
На пальчиках скакать легко и хрупко.

О, детства позабытый сладкий сон,
Теперь ты стал моей мечтой туманной.
Быть может, скоро под хрустальный звон
Я стану вновь красивой и желанной.

* * *

Сияют брильянтовой крошкой
Тропинки окрестных холмов.
Зима белоснежною кошкой
Свернулась на крышах домов,
Хвостом серебристо-пушистым
Укрыла сиротство двора.
И ангелом, девственно чистым,
Глядишь ты в окошко с утра.

* * *

У суеты урвать волшебных полчаса.
С собачкой чи-хуа спуститься в глубь оврага.
Вокруг царит зимы морозная краса.
Январь тасует сны, творит искусней мага.
С горы густой лесок березовых свечей
Бросает на снега сиреневые тени.
Пылающий костер средь яра – он ничей.
Швырнем-ка мы в него весь ворох невезений!
Так грей же, Дэзи, нос и лапки у костра.
И мне пора погреть свои ладони.
Но время истекло, и нам назад пора.
Давай замрем, как бабочки, на склоне.
Два пестрых мотылька под снежною пылью,
В зрачках пейзаж открытого пространства,
Как в чистых зеркалах. А города кольцо
Свернулось за спиной змеей в гипнозе транса.
Еще мгновенье взглядом ловим птиц.
Вот ворон молодой у проруби озерной
Отбросы рыбака шерстит, склонившись ниц,

Голодный царь зимы свершает пир позорный.
О, бедность наша, ты всему виной!
Голодный страх нас в рабство кармы гонит.
А город, как скала, закроет путь иной
И праздности порыв по-барски урезонит.
Взойдем же, псинка, на свои круги.
Ждет скучный сон тебя на кресле старом.
За хлеб насущный в тяжкие плуги
Впрягаться мне своей душой усталой.

СНЕГУРОЧКА

Как оказалось, я жила,
Не зная тайн своих.
И дни мои доука жгла.
И лился мерный стих.
И сердце тихое спало,
Как в скорлупе птенец.
И душу снегом замело.
И ледяной венец.
Примерной девочкою быть,
Как маятник часов,
Не звать, не плакать, не любить,
Не открывать засов.
Привычно. Даже без тоски,
Что вечная зима.
И так до гробовой доски
Я выбрала сама.

Но вдруг неотразимый взгляд –
Двух молний шаровых,
И электрический разряд,
И сердца жуткий вспых.
Как больно, с кровью тает лед,
Как больно тает снег!
И это ли любви полет
Без счастья и утех?
Не застонать, не зарыдать
Средь ночи, среди дня.
Любви святая благодать
Видать, не для меня.
Что безутешной делать мне?
Как дальше стану жить?
Как горестно гореть в огне!
Как больно мне любить!

ПЕРЕД ДЕБЮТОМ

Я еще не пела, но могла
В час ночной ломать перо тугое.
С жадностью я слово берегла.
Но душа не ведала покоя.

Лунный диск катился неспеша.
Мотылек сгорал в свече, как Бруно.
И на зовы Космоса душа
Отзывалась счастьем многострунно.

Сладостный бежал по венам ток.
Сердце билось птицей в райской куще.
И любви таинственный цветок
Расцветал в душе моей поющей.

Жаждающий небесного огня
Юноша, с кем встреча всё порушит,
Мой цветок сорвет, не оценя,
Втопчет в грязь, раздавит и потушит
Мой огонь... Но нет пока меня.

* * *

Священный лотос мистицизма
В минуту горькую трагизма
В душе раскроет лепестки
Любви, надежды и тоски.

И мир покажется невинным,
Хотя пугает рыком львиным
Пустыня улицы ночной
Под не улыбчивой луной.

И ждать троллейбуса не станет
Надежда, и любовь отстанет
С какой-то парюю чудной.
И мне с тоскою быть одной.

Тоска порой сама не знает,
О ком, о чем она вздыхает.
Но душу бедную скребет,
Как спинку кресла праздный кот.

В чужую дверь войдешь случайно –
Живут не люди там, а тайна.
Но широка и глубока
Ее небесная река.

Я разгадать ее пытаюсь,
Ее энергией питаюсь.
И к ней душа моя летит,
Как скрепка легкая в магнит.

Евгении Федосовой

I

Не ради красного словца
Хочу сказать тебе,
Не ради красоты лица
Или удач в судьбе, –
Ты Богом избрана была
На добрые дела.
По предначертанному шла
И вот свечу зажгла.
А я держала в злой ночи
И в лживом мраке дня
Фитиль души моей, свечи,
Но не было огня.
Ты пламень тот нашла легко:
Он в сердце у тебя.
Свеча пылает высоко,
Все сущее любя.
Так пусть ее духовный свет
Зовет к добру сердца
И Музы продолжает след
Вести нас в сад Творца.

II

Художника кисть ты однажды возьмешь
И краски откроешь с волнением.
И душу охватит сладчайшая дрожь,
А сердце – огонь вдохновенья.
И жизнь опрокинется в рамку холста
Игристую полною чашей.

Но трудно рукою до неба достать
В эпоху недобрую нашу!
Пока что забота, и тихая грусть,
И редкие радость и новость.
Так белым по черному пишется пусть
Судьбы богоданная повесть.
А первый мазок, словно первый порыв
Любви целомудренно-детской
Иль к небу шампанского теплого взрыв,
Вся в перлах – и некуда деться!
Из хаоса красок и светотеней
Ты вырвешь пейзажи и лица.
И ждет твой близнец из непрожитых дней
Тебя, чтоб в единое слиться.

III

Твоя планида кочевала
Туда, куда звала страна.
В пустыне Гоби ночевала,
Где ночь всегда длиннее сна,
Где сон, как наяву отчетлив:
Гремит в нем стройки черный труд.
И юрты вдалеке, как четки.
И воду рыжий пьет верблюду.
А Гоби по своим заветам
Играет вечно в чехарду:
Зной изнуряет долгим летом,
Зима ведет ветров орду.
Морозы жгучие лютуют,
Шаманит бешеный буран.

Но новостройки салютуют
Свое российское – ура!
А на земле Узбекистана?
Безоблачная синь небес,
Но солнце жарит непрестанно.
И дождь, как чудо из чудес.
Труды до сотенного пота,
Но в этом русская душа, –
Что называется, работа
Не ради медного гроша.
Пусть всё, что на земле построено,
Теперь уже почти чужой,
Стоит века, светло и стройно,
Гордится русскою душой!

* * *

Дочерям

Душа ребенка – крылышки цветные,
Порхающий весенний мотылек.
Стремиться к солнцу будешь ты отныне,
Предчувствуя чарующий полет.
Не убережь, уже в иной ты власти,
В движенье многоликая толпа.
И ждут дверей разверзнутые пасти
Наивного живого мотылька.
Пусть сохранит тебя людская нежность.
Да сгинет зло в пространстве мировом!
Лети, мое дитя, неси в безбрежность
Души любвеобильной торжество.

* * *

Мужу Николаю

Белые свечи, зеленый огонь.
Рощи березовой медленный танец.
Голубизна офицерских погон.
Лётной кокарды со звездочкой глянец.

Будем с тобою по роще бродить,
Ведь для того она близко от дома.
Надо ли старую боль бередить?
Новая радость теперь нам знакома.

Мы безразличны к богатству с тобой.
Нам бы очаг и надежную крышу.
Торбою алчность гремит золотой
Ты не услышишь, и я не услышу.

Белые свечи, зеленый огонь.
Шелест берез, как святая молитва.
Враг под землю и вражеский конь –
Да не разбудит их новая битва!

Белые свечи, зеленый огонь.
Молятся роща, ей тоже не спится:
– Ясного неба, злоба, не тронь!
Не прилетайте зловещие птицы!

* * *

Татьяне Расторгуевой

Муза твоя Терпсихора
От Бога несет вдохновенье,
Тепло с душой
Животворною силой сроднив.
Музыка ввысь увлекает
Молитву движенья.
О балерина, твой к Богу
Прекрасен порыв!
Замкнутый круг вдохновенья
Земного с небесным
В счастье иль в горе
Смотри, не порви сгоряча.
В суетном мире, бездумном,
Холодном и пресном,
О балерина,
Ты – как пред Богом свеча!

ПОДРУГАМ

Признаться пора: виноваты мы сами,
Что мало любили нас, мало ласкали,
И ветры бездомными жадными псами
На бледных щеках наших слезы лакали.

Мы были легки на подъем, как цыганки,
Гадали другим, а себе прогадали.
Пойдем же по улице, старой Таганке,
Гулять и делиться пустыми годами.

Ах, эти года, как гнилые орехи
Гремят, лишь встряхнешься душой одинокой.
Ведь все суета да грехи и орехи,
И лень, и гордыня — да мало в них проку.

И жить-то не жили, а всё собирались
Назавтра расцвести, как весенняя вишня.
И токи души завитками спирали
Куда-то все шли, да с расцветом не вышло.

Теперь же мы осень внутри и снаружи.
Фальшивое золото рыжей цыганки.
Но это судьба! Мы ее не нарушим
На улице старой, любимой Таганке.

ПРИТЧА О СВЕТИЛЬНИКЕ

Когда зажигают светильник,
Не ставят его под кровать.
И зла не сокроют насильник
И лжец, что привык воровать.
Иисусовой притче внимая,
Поверю: все выйдет на свет.
Земная Фемида – немая,
Но Богу даем мы ответ.
И станет всё тайное явным,
Грехам не избежать огня.
Все просто, как истина: я в Нем –
И Он прочитает меня.
С обеих сторон подступая,
Нас Тьма ожидает иль Свет?
Душа, осторожно ступая,
Готовит последний ответ.
С годами всё уже дорога,
Всё круче над бездной ступень.
И просит прощенья у Бога
Душа за греховную лень.

ЖЕНА МОРЯКА

Шарик тишины хрустальной
О слова его разбился
В час, когда из дали-дальней
Мой любимый возвратился.
Он рассказывает прямо
О повадках океана,
О лазурных южных странах,
О причудах капитана.
Пьет он бронзовое пиво,
Курит трубку костяную.
Стала я, как пес, ревнива
И ко всем его ревную.
До чего же на рассвете
Поцелуй его любви,
Точно алых рыбок в сети
Жадно ловят мои губы.
Шарик тишины разбился –
В дом ворвалось счастье сразу.
Первый раз во мне забился
Сын его зеленоглазый.

*«Жена моряка»
Художник Татьяна Чадаева*

МОЛИТВА О СПАСЕНИИ

Господь, помилуй и прости,
Помилуй и прости!
И все грехи мои скости,
Для светлого пути.

В кругу бесовском я мечусь.
От страха голос тих.
Но я не за себя боюсь –
За близких и родных.

На тыщи вёрст я вижу зло
И как блуждает зверь.
Молюсь, чтоб милым повезло,
Чтоб постучались в дверь.

Господь, нечистых отгони,
Развей мой жуткий страх.
Мы точно в золоте брони –
С молитвой на устах.

Ты не устанешь нас пасти –
Ягнят своих стада.
И Ты сумеешь нас спасти,
Как ты спасал всегда.

ОТЦУ МОЕМУ ИОСИФУ

Крылатых шесть молний
И в центре – звезда.
Носил ты, я помню,
Эмблему тогда,
Красавец-полковник
В папахе высокой.
Поселок наш помню
С названием Сокол,
Где щедро дарил
Нам снега Сахалин.
Локатор парил,
Как орел-исполин.
И «батею» звали
Солдаты тебя,
Ценя не за званье,
За сердце любя,
...Просыпались годы
Песочком в часах.
Качает невзгоды
На строгих весах
Безжалостный рок.
Сердце сжато бедою,
Что отчий порог
Зарастет лебедою,
А, может, Бог даст –
На Девятое мая
Еще мы не раз
Попоем, погуляем!
Ты помнишь Победы
Триумф в сорок пятом?
Назло новым бедам
Останься солдатом.

* * *

Пленница военного кочевья,
Девочкой дорогами отца
Шла я, и печальные деревья
Не касались моего лица.

Мука расставанья не терзала:
Дом чужой, чужой весенний сад.
И душа под сводами вокзала
Не просилась трепетно назад.

Дух бродяжий щекотал мне нервы.
Билось сердце гулко в такт колес.
И, казалось, стих мой самый первый
Прокричал летящий паровоз.

Пленница военного кочевья,
Женщиной за мужем я пошла.
И ветвями юные деревья
Охлаждали томный жар чела.

Гарнизонных встреч и расставаний
Вечный и беспечный дружный пир.
И, казалось, нету оснований
С грустью озирать цветущий мир.

Пленница военного кочевья
Вдоль страны прошла и поперек.
Отцвели весенние деревья
И на ветви синий иней лег.

Где искать вас, кочевые братья:
Вы сто раз сменили адреса?
Грезятся мне крепкие объятья,
Ваши молодые голоса.

Вырванные корни бьют искрою,
Словно оголились провода.
И тоску сердечную не скроют
Канувшие в юдоли года.

Пленнице военного кочевья,
Долго ль мне носиться по волнам?
На борту пустынного ковчега
Усмирить я сердце не вольна.

А оно стучит не достучится:
Где друзья? Где мама, папа, дом?
Но в столетних кронах шелестится
Вечное и тихое: «Потом...»

* * *

Анне Ахматовой

Излучают свет твои портреты.
Веет хмель духов.
Кем заложен фантик от конфеты
В том твоих стихов?

По страницам я твоим гадаю
Наобум в ночи.
Ты мою судьбу откроешь, знаю,
У тебя ключи.

Отчего, когда разбито сердце,
Так душа чиста?
Рама приоткроется, как дверца, —
Выйдешь из холста.

Гордый профиль золотой орлицы
Спрячешь под вуаль.
Если это только мне приснится,
Было б жаль.

* * *

А он глядит из черной рамы,
Веселый и родной.
И снова болью старой раны
Ты делишься со мной.
...В плену ночном у непогоды
Застыл крылами «АН».
Гроза – слепой каприз природы,
Причина стольких драм.
Аэропорт, как гроб хрустальный,
Всю ночь тебя качал.
Но голос звал печалью дальней
И виделся причал.
Не проводила – так уж случилось.
А он любимым был.
И ты по пристани металась,
А пароход уплыл.
Уплыл не на день и не на год –
За жизни рубежи...
Не вспоминай о том, не надо,
И лишь «прости» скажи...

* * *

Выдумывать любовь,
Коль в жизни нет ее,
На окнах рисовать
Простреленное сердце.
Упиться вновь и вновь
Писательским враньем,
Как Кармен рисковать
В мечтах под звуки скерцо.

Но сон прервёт трамвай,
Звонящий поутру.
Зеленый глаз Хозе
Умчится в Космос черный.
Немедленно вставай,
Скачи, как кенгуру,
Начальства слушать глас
И труд являть упорный.

А ночью в тишине
Выдумывать любовь.
Нет у нее лица,
Лишь странный взгляд лемура,
Рисуя на окне
Перстами вновь и вновь
Разбитые сердца,
Стрелу и лук Амура.

ЛЮБОВЬ

Родился белый медвежонок
В глухих снегах моей души.
Он тянет лапушки спросонок.
Взрослеть пока что не спешит.
Он ласковый, еще не хищник.
Лакает сладко молоко.
Не ведает кровавой пищи.
Живет привольно и легко.
Охотник, не томись напрасно
В засаде, наводя прицел.
Моя рука тепло и властно
Сожжет снежинку на лице,
Разгладит жесткую морщину –
Печать суровую бровей.
И не ищи любви причину.
Увы, причины нет у ней.
Лишь только дышится свежо мне
В морозной трепетной тиши.
Родился белый медвежонок,
А ты убить его спешишь.

* * *

О, наконец-то, март, угодник женский,
Нас заключает в нежные объятия.
И Штраус затевает вальс свой Венский.
И новое в шкафу томится платье.
Цветов парад благоухает тонко
Счастливой влагой слез, непостоянством.
И сердце ждет с наивностью ребенка
Весенних бурь, шампанского и танцев,
Признаний рыцарских прекрасной даме,
И исполненья давнишних традиций –
Дарить подарки дочери и маме,
Жене желанной и ее сестрице.
Для них везут пушистые мимозы
Торговцы с юга – полные вагоны.
Охапками в оранжерее розы
Срезает цветовод неугомонный.
Духи французские в коробочках изящных
И перстни с бирюзой и хризопразом –
Раскупят всё до мелочей пустячных,
Сулит купцам удачу женский праздник.
Но твой подарок мне всего дороже,
Букет подснежников ждала в надежде,
Что холод ссор с последнею порошей
Уйдет навек, и будет всё, как прежде.
Нежнее поцелуя губ коснется
Фиалочка головкою лиловой.
В душе твоей опять любовь проснется,
И я услышу ласковое слово.

О ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ

Кто меня любит и кто меня знает?
С кем раздраженно острою я?
Кто меня ласковым блеском встречает?
Чайник, бидон и кастрюля.

Кто меня знает и кто меня любит?
Скажешь: читатель. Ах, брось-ка!
Кто мою тонкую руку голубит?
Веник, совок и авоська.

Утварь домашняя, друга и братья,
Чту ваши скромные души.
Ваши объятья сильнее, чем проклятье.
Верности вам не нарушу.

Помните вы меня злой замарашкой,
Суетной, вечно ворчащей.
Помните вы меня, с барской замашкой
Разом над всем воспарящей.

Нож и половник, толкушка и кружка,
Блюдца, кофейник и миска,
Я неизменная ваша подружка,
Кухонной сцены солистка.

Ваши тепло и любовь ощущая,
Новую песню начну я.
Чашка горячего крепкого чая
Радует Музу ночную.

* * *

Мне удача легко не давалась.
Она не ценила мой доблестный нрав.
Зло судьба торговалась
Со мною, три шкуры содрав.
И любовь подыхала моя,
Как отравленный пес.
Научилась, печаль затая,
Я прощаться без слёз.

Мне удача легко не давалась –
Без позы я вам признаюсь.
Но, как слабые, я не спивалась
И вряд ли когда-то сопьюсь.
Как ребенок капризный,
Свое не заброшу перо.
Не заплачу на тризне
Надежд, как несчастный Пьеро.

Мне удача легко не давалась –
Тем силу скопила свою.
Так еще не певалось
Мне прежде, как я запою.
Отпускаю я в небо
Отважных своих лебедей,
Всей душой – на потребу
Возлюбленных мною людей.

* * *

Есть странная тайна у вас,
Что истинно вы не любили.
И только лишь радостью были
Для преданно любящих глаз.

Вы жили в долгу как в шелку
За ласку, заботу и верность
И прятали кротко тоску
В порой непонятную нервность.

Как дикой природы цветы,
Сгубили б вас бурные страсти,
Когда б не маяк доброты
Привел вас к семейному счастью.

УГРЕША

Прибежище последнее.
Край города, мой дом –
Моя удача, след ее,
Отысканный с трудом.
Открытое пространство,
Синей в проем окна,
Дари мне постоянство
Небесного вина.
Помиловал Всевышний:
Былых задворков нет.
Сараев низких крыши,
Гнилых заборов бред,
Чужих окон бойницы,

Железо гаражей
Теперь лишь могут сниться
Измученной душе.
Ах, вечно видеть мне бы
Зелено-синий пруд,
Лазоревое небо
И леса изумруд.
И бывшего карьера
Позолочённый склон,
Где поросли премьеры
И клевера поклон.
И краснокожесть глины.
И белизна песка.
Здесь не найдет причины
Привычная тоска.
А холм зеленоглавый
Зовет подняться ввысь,
Как ангелов застава –
Взойди и помолись.
Гармония природы:
И высь, и ширь, и даль.
Не торопитесь, годы,
Не жмите на педали!

* * *

Я сегодня в ночи – безголосая птица.
Порывалась исторгнуть закованный в горле напев.
Тосковала в надежде пустая страница.
И перо опустила рука, ослабев.
Незаметно сомкнулись усталые вежды.
И немедля подкрался на цыпочках сон:
Это было со мной, это видно прежде!
Белоснежную яхту качает муссон.
Даль морская, и ветер целует нам очи.
К осиянному берегу тихо плывем.
Обнимают меня мои милые дочки
И лепечут о чем-то о детском своем.
А вдали, у причала, дожидается мама.
Мы спешим к ней навстречу веселой гурьбой.
Вдруг по ветру с волос улетаёт панاما
И, как чайка, ныряет в простор голубой.
...Пробуждаюсь и верю, что песня нахлынет,
Как волна золотая, тепла и светла.
С нею Муза вернется и взглядом окинет
Лист младенчески чистый у края стола.

**К ПОРТРЕТУ КРАСАВИЦЫ,
ПРИНОСЯЩЕЙ УДАЧУ**

I

Кем же он был, тот бродячий художник,
Продавший твой лучезарный портрет,
Божий угодник иль ярый безбожник?
Столько прошло удивительных лет!
Страстно влюбленный, вполне заурядный,
Душу свою успокоил и прах,
Миру оставив портрет ненаглядный,
Лик совершенства, царящий в веках.

II

Может, в этом весь секрет?
Шла земной стезей богиня.
И божественный портрет
Написал чудной разиня.
И продал его за грош –
Захотел бедняга пищи!
А купил его Гаврош,
Внес в убогое жилище.
И фортуна с ним вошла:
Вдруг удача, за удачкой –
И торговые дела,
В картах фарт, и куш на скачках.
– У красавицы, видать,
Есть особой силы тайна.
Может, Божья благодать
Ей подвластна не случайно?
Но гадать не разгадать
Взгляд очей ее прекрасных.

*«Портрет красавицы»
Художник Илья Исеев*

Захотело небо дать –
Значит это не напрасно.
И потомки везуна
Век свой жили не тужили:
От красотки без ума –
И с удачею дружили.
И добрейший господин,
Достославный отпрыск рода
Вдруг решил: – Зачем один
Я счастливей год от года?
И размножил твой портрет –
Есть у нас на это пресса.
Счастлив будет каждый впредь.
И, конечно, поэтесса.
Мне попался между дел
Лист газетный, знак особый –
Так с него портрет глядел
Юной сладостной особы!
Взгляд, живее, чем огонь,
Веселее и отважней,
Говорил: – Рукою тронь –
Я ведь буду не бумажной!
Я всегда жила-была,
Никогда не умирала.
Я по вечности плыла,
От восторга обмирала.
Я – фортуна, я – любовь,
Я – земная птица счастья!
Пусть тебя минуют боль,
Неудачи и ненастья.

Над тобой не имут власть
Злое слово, глаз недобрый!
И прожитым будет всласть
Век счастливый твой и долгий!

III

Ночью беззвездной,
Ночью ненастной
Я за тебя помолюсь.
Тайны счастливой,
А, может, несчастной
Я разгадать не берусь.

Юной гитаной
Чудно и странно
Сотни струящихся лет
Ты с полотна
Глядишь неустанно –
Даришь счастливый билет.

В помощи доброй
Мытарством долгим,
Может, устала душа
За исполнением
Старого долга
Ради чужого гроша.

Боже всесильный
И милосердный,
Боле ее не кори.
Ей за участие
И за усердье
Райскую жизнь подари.

* * *

Звезда, дрожащая, как слеза,
Тебя разбудит в ночной тиши.
И зашумят за окном леса.
И соловьи запоют в глуши.

Выйдешь из горницы на крыльцо.
В очи плеснет молоко луны.
И зазвенит на двери кольцо –
Это уходят злые сны.

Незачем больше ждать беды.
Выть разучился старый пес.
Тихую песню поют сады.
Слышишь проселочный шум колес?

Едет из города милый друг,
Зорко глядит в ночную мглу.
Скоро сомкнется счастливый круг.
Вынь же из сердца тоски иглу.

Он тебя крепко прижмет к груди.
Жарким огнем опалит уста.
Радости ваши – впереди.
Совесь его пред тобой чиста.

Знаю, что скоро будет так:
Счастьем зажгутся твои глаза.
Ведь подает нам условный знак
Звезда, дрожащая, как слеза.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

* * *

В платье зеленом из дома я вышла.
Долгие годы по стежке бреду.
Встретить мечтала я белую вишню –
Светлую радость в весеннем саду.

Стали казаться мне темными звезды.
Стала в реке ледяною вода.
Может, не поздно, вернуться не поздно,
Но не вернулся никто никогда.

Новый мой дом – и тепло, и надёжа.
В нем я хочу быть счастливою вновь.
Нежною лаской мне сердце тревожа,
Пусть в нем живет молодая любовь.

Может быть, многое в жизни не вышло.
Я все надеюсь и все еще жду.
Пусть мне приснится белая вишня –
Светлая радость в весеннем саду.

* * *

Нет мамы и отца.
Я стала сиротой.
И пусть я не дитя,
До боли сердцу ясно,
Что мне уже не быть
Счастливицею той,
Что по земле идет
Уверенно и властно.
Нет, мне уже не быть
Беспечной всякий раз.
Не заводить речей,
Наивно-откровенных.
Теперь узнала я,
Что все меняет в нас
Сиротство, даже кровь –
Тоскующая в венах.
Теперь мне не взлететь –
Нет крыльев за спиной.
Качается земля,
Сужается пространство.
Закована душа,
Как в панцирь ледяной.
И не поет она,
Пугаясь диссонанса.

* * *

Приснилась мне бабушка Анна
Впервые за долгие годы.
В душе словно старая рана
Заныла от смены погоды.

Жила моя бабушка в Грозном.
Ее, в предпоследний годок,
Фотограф один виртуозный
Хотел рассмешить, но не смог.

И было единственным фото,
Сумевшее запечатлеть
Вдову, в чьих морщинках – забота
Шесть душ накормить и согреть.

Всю ночь пред глазами моими
Иконой стояла она.
Как выдох и вдох, ее имя
Хранила в себе тишина.

Был снимок контрастней и больше,
Чем тот, что в альбоме лежал.
Казалось, что взгляд ее горше
И губы заметно дрожат.

А утром я плакала горько –
Так ясно мне стали видны
И крест, и могильная горка
Средь ада чеченской войны.

* * *

Пока в тетрадь ложились строки,
Как в пруд осенняя листва,
Прошли любви земные сроки,
Остались праздные слова.

Они рассыпались, как жемчуг
Разорванных нечаяно бус.
Теперь чужие губы шепчут
Признанья, пресные на вкус.

Остыло все, что прежде пело.
Теперь ты нищего бедней.
Не тронь пером страницы белой –
Ты так ничтожна перед ней!

* * *

Где мои годы? Мне снова шестнадцать!
Или ты, зеркало, врешь?
Кто там богиней посмел отражаться,
Сдерживать юную дрожь?
Чья это Муза влетела в оконце,
Шалая, как сорванец?
За день такая испишет до донца
Ручку – и делу конец.
Носиком римским уткнется в подушку
Плакать о чем-то пустом.
Будет гулить, как дитя с погремушкой.
Сладко мурлыкать котом.
Звонко в серванте прозванивать рюмки,
В трубы на кухне дудеть.
Станет внушать мне греховные думки,
Песни любовные петь.
И не хочу я противиться чуду,
Радужный сон прерывать.
Вновь мне шестнадцать, зачем же я буду
Музу свою предавать!

* * *

А я пойду гулять по улице Лермонта
В высоком до небес, но малом городке.
И ветер будет мне шептать стихи экспромтом
О губящей сердца томительной тоске.

Да вот она, тоска, уже и накатила,
Мятежную волной накрыла с головой.
Поэта от врагов она не защитила,
А Музой ведь была, подругой роковой.

И кончилось всё так немыслимо и странно.
Разверзлись небеса, рыдая и грозя,
Когда от пули злой дымилась в сердце рана
И целовала смерть открытые глаза.

Где он теперь парит над сумашедшим миром?
Иль, может, надо мной листвою шелестит?
А зло все правит бал, беситься любит с жиру.
Вокруг такой Содом, возропщешь – Бог простит!

И петь уже невмочь, и Муза тихо плачет.
С поломанным крылом надеется взлететь.
Но Лермонтов со мной, и значит, всё иначе:
На улице его я снова буду петь.

ЖАСМИН В КРЫМУ

Жасмин расцветает в апреле –
Недолго в наряде невесты.
И с ветром цветы полетели,
Как в городе светлые вести.
Что вскоре помчат «Мерседесы»
и «Вольво» по южной дороге.
Приедут на солнце принцессы
Смолить свои бледные ноги.
Крымчанам зимою не сладко.
Им денег давно не платили.
И дразнит заморским палатка,
И голодно в стылой квартире.
Пустынен их северный полюс
Пока в холодильнике старом.
Но можно расстегивать пояс,
Затянутый туго недаром.
Ведь скоро примчат северяне –
В карманах хрустящие баксы.
Вы с ними поспорите рьяно,
Не сбавите принятой таксы.
Пока же взбивайте постели.
И простыни гладьте без складок.
В курортные лета недели
Гостей ждет отменный порядок.
Жасмин расцветает в апреле –
Недолго в наряде невесты.
И с ветром цветы полетели,
Как в городе светлые вести.

ОФИЦЕРСКАЯ ПЕЧАЛЬНАЯ

По чужим углам
Мы живем с тобой.
Не уют – бедлам
Нашей стал судьбой.

На погонах пыль
От глухих дорог.
Где наш юный пыл?
Где родной порог?

Ты молчишь в ответ
И душой зачах.
Что ж не греет свет
Звезд, что на плечах?

На седом виске
Хорошо тоске.
Отслужил свой срок.
Да не вышел прок.

Не укрыть жену.
Плачут детушки.
Глянешь на страну –
Пусто! Нетушки!

ГЕОМЕТРИЯ ЖИЗНИ

Вся эта жизнь, что внутри нас кипит и окрест –
Круг, треугольник, квадрат, пирамида и крест.
Всё, что мы любим душою в себе и вокруг –
Крест, пирамида, квадрат, треугольник и круг.
Формулы жизни просты, как восторг и обида:
Круг и квадрат, треугольник и крест, пирамида.
Каждый спешит, то до адских, до райских ли врат –
Круг, пирамида и крест, треугольник, квадрат.
Муж и жена, и любовница или любовник –
Круг и квадрат, пирамида и крест, треугольник.
Взвесить грехи наши гири поставит Фемида –
Круг и квадрат, треугольник и крест, пирамида.
Люди, люблю вас, мне каждый – сестра или брат –
Круг, пирамида и крест, треугольник, квадрат.
Все, что мы делаем, каждое слово и жест –
Круг, треугольник, квадрат, пирамида и крест.

* * *

Граненое стекло
Наполнил ты с избытком.
Я выпила до дна
Прохладное вино.
Ты излечил меня
Божественным напитком.
Что лгал и предавал –
Вдруг стало все равно.
Рубиновый огонь
В груди восторгом пышет.
У монастырских вин,
Видать, особый хмель.
Грехи не тянут вниз,
Душа взлетает выше.
И кажется благим
Весь муторный апрель.
Забот плебейский груз
С усталых плеч слетает.
И в небе среди дня
Горит моя звезда.
Любовь, что берегла,
Как снег последний тает.
Прощай, мой Дон Жуан,
Теперь уж навсегда.

* * *

Сотни женщин в тебя влюблены.
Ты устал от своей красоты.
Из серебряных нитей луны
Ткешь свое одиночество ты.

Мне соперниц своих не унять.
Я устала в доспехах ходить.
Эту наглую пеструю рать
Никогда мне одной не разбить.

Ускользает последняя ночь.
Серебристая тянется нить.
Нам друг другу уже не помочь.
Нам друг друга уже не забыть.

На рассвете уйду навсегда.
Улечу от тебя далеко.
Слава Богу, еще молода.
Заживу и светло, и легко.

... Укатились года с вышины.
И печали своей не тая,
Из серебряных нитей луны
Тку свое одиночество я.

ГАМАМЕЛИС

В Крыму под снегом
Распустился гамамелис.
На голых ветках
Золотой цветок.
Мне дочь не верит:
– Что ты, мама, мелешь?
И вертит пальцем
Черный завиток.
... Но вот и он,
Кустарник тот высокий.
Как радужный павлин,
Сиял он в сентябре.
А в феврале цветы
С пахучим нежным соком –
Как солнечный янтарь
В холодном серебре.
Однако неспроста
Я гамамелис славлю
И убеждаю дочь,
Что жизнь чудес полна.
И снег на лепестках
Дыханьем жарким плавлю.
И верю в знак судьбы:
Найдет Любовь она!

* * *

Средь сонного снежного сада,
Где яблони в синем огне.
Грустить о далеких не надо.
Давай погрустим обо мне.

Пытаюсь признаться без фальши,
Перчатки в руках беребя.
Душою, быть может, я дальше,
Всех дальше сейчас от тебя.

Далекие женщины слаще:
В их письмах и страсть, и тоска,
И ревность. И думаешь чаще:
Надежда на счастье близка.

А рядом холодные губы.
И речи об общем куске.
И ласки случайны и грубы
В какой-то звериной тоске.

Заснеженность зимнего сада.
И души в холодном огне.
Как буду, мой милый, я рада,
Когда загрустишь обо мне!

* * *

Ты упал на сиреневый снег
И под солнцем февральским хохочешь.
Променять на серебряный смех
Мое сердце наивное хочешь.

Опрокинусь в сугроб голубой,
Где алмазная крошка сияет.
Горячо обниматься с тобой.
Мое сердце холодное тает.

Только вряд ли нам стоит шутить
Над любовью и много смеяться.
Лучик солнца меж нами, как нить
Золотая, и может порваться.

МОНОЛОГ ПОДРУГИ

Не у меня он был вчера.
И, если честно, я довольна.
Стара любовь моя, стара:
Отпущена давно ей вольная.

Седа, подкрашена, смешна,
Но не рабыня, не распята.
И только гордостью грешна,
А, может, гордостью и свята.

И мне сегодня всё равно,
Что у вдовы у одинокой
Он пьет домашнее вино,
На зимний сад глядит из окон.

Что стелит женщина постель
С надеждою на узы брака.
Но проведу я параллель –
Ведь он и с ней такой же врака.

* * *

О, будущность в сером тумане,
О, память ошибок былых,
Как корочкой тонкой на ране,
Я каждый ваш чувствую вздох!

Неужто не стать мне свободной,
Не вспыхнуть сверхновой звездой,
О, будущность с цепью колодной,
О, память с хлыстом и уздой?!

И все же на пике мгновенья
Меж прошлым и будущим я
Так счастлива в миг раскрыленья,
О, Господи, птаха твоя.

* * *

Рыжая шальная осень-хулиганка
Курит на аллее жухлых листьев смесь.
Ветер, словно нищий, воет под шарманку.
Неуютно с ними мне бывает здесь.

Где ж ты, моя Осень, косы золотые.
Красный сарафан, надежды синий взгляд?
За тобою годы, годы молодые
В поиски ушли, да не идут назад.

Где же ты, мой Ветер, озорной и звонкий,
Русый и вихрастый сорвиголова?
Ты в какой сторонке, у какой девчонки?
– С юностью твоею, – шелестит листва.

* * *

Листы мертвы и брошены небрежно.
Уста знобит невысказанный стих.
О, если б знали вы, какая в сердце нежность,
Когда поет огонь и голос сладко тих.

Легко ловить мгновенье золотое,
Бездумно плыть, в молчанье замереть.
В какой-то краткий миг захочется покоя,
Но мне иной не быть, я не могу не петь.

О, как хочу сейчас я вас обвить крылами
И дать испить свой жар, пьянящий всласть.
О, если б знали вы восторг обжечь словами,
Когда тебя саму огнем сжигает страсть!

* * *

Познал ты значение свободы,
Живешь на морском берегу,
Мужчина – игрушка природы,
Но веру в тебя берегу.

Иначе зачем я сжигала
Когда-то мосты за собой,
Иначе зачем я играла
Ва-банк со своею судьбой?

Ни луны, ни звезды, ни кущи,
Ни ласки случайной волны,
Ни взгляд и ни голос влекущий
Тобою играть не вольны.

Ты сердцем взволнованным таешь,
До вздоха последнего мой.
Минуты разлуки считаешь,
В мечтах возвращаясь домой.

И в жаркой июльской постели
Мне снятся тревожные сны:
Мы будто на гору взлетели –
И падаем вдруг с крутизны.

Разлука – коварный напиток
Сомнений, страстей и тоски,
Но болью целительных пыток
Сердца наши будут близки.

* * *

За чашкой остывшего чая
Совсем прозаично, без позы,
Подруга сказала печально:
– Наверно, всё кончится прозой.

В глаза мне дымя сигаретой,
Она повторила, с угрозой:
– И будешь кудахтать, как все, ты,
Как только всё кончится прозой!

Поэзии малая доза
Испита душой не до дна.
– Всё – быт, всё – заботы, всё – проза,
С упрямством твердила она.

Когда возражать ей устала,
Призналась и я, наконец,
Что Муза сражаться устала
С войсками холодных сердец.

Мы долго за окна с подругой
Глядели, о близких скорбя.
В бредущих под мокрую вьюгой,
Казалось, искали себя.

Бог с ними, раздумывать поздно.
Всё трепетней день ото дня
Я верю: не кончится прозой,
Пегас мой дождется меня!

* * *

Скоро катер во тьму отчалит.
Прощай навек!
Месяц в люльке звезду качает.
И выпал снег.
Берег стынувший, берег темный,
В три огня,
Осветить не сумеет волны
И меня.
Может, лучше, что не увидишь
Скорбных глаз.
Эту ленточку я на финиш
Рвала не раз.
И, как чайка, душа кричала
Все года.
Но хозяина не встречала
Никогда,
Мой хозяин живет далёко –
На той звезде.
Только держит меня он строго
В своей узде.
Так прощай же, мой друг хороший,
И не кляни.
Заметет голубой порошей
Наши дни.

ВЕТОЧКИ ВЕРБЫ

С каждой весною, всё крепче любя,
Даришь мне веточки вербы.
Я благодарна судьбе за тебя,
Сильный, надёжный и верный.

Нежны соцветья, как птенчиков пух,
Глажу губами комочки.
Так вот рождались для юношей двух
Наши красивые дочки.

Верю, Господь не оставит одних
Дочек без веточек вербы.
Пусть будет суженый каждой из них –
Смелый, надёжный и верный.

* * *

От срезанных цветов в дому царит тоска.
Вам море роз на праздник подарили.
Казненные цветы – как плата высока!
И умерли они за то, чтоб вас ценили.

О, любящие вас наивные слепцы,
Что в дом несут они, когда бы только знали!
А впереди идут нежданные гонцы –
Болезнь, и боль, и слезы, и печали.

Веселый кончен пир и гости разошлись.
И пусто на душе, как на кладбище ночью.
Отмщенья ждут цветы, ведь вы не разочлись.
Вам по счетам платить, хоть плату и отсрочат.

Обычай варварский – даря, губить цветы –
Когда же, наконец, совсем исчезнешь ты?

* * *

Людмиле Комаровой

Харьков, тенистые переулки,
Школа, и дом наш, и двор, и подъезд.
Ели с тобой мы французские булки.
И рассыпали свой хохот окрест.
Как нам хотелось любви и удачи,
Как нам хотелось красивыми быть.
Мы – англичанки в плену у апачей –
Страсти в романах и скромный наш быт.
Папы, которые вечно на службе,
Мамы, которые в очередях,
Нашей они не противились дружбе,
Только б не вышло из дочек нерях,
Только б они не помчались в артистки,
Не обманул бы какой вертопрах.
– Ты – архитектор, а я – журналистка, –
В маминых правильных строгих мечтах.
В меру с тобою мы грызли науки.
Первой любовью обожжены,
Перенесли свои страстные муки,
Как героини в застенках войны.
Тайны не выдав ни словом, ни взглядом,
Первые чувства на плаху легли,
Наши кумиры тогда были рядом,
Но догадаться они не смогли.
Может быть, счастье бродило так близко,
Что испугалось себя самого.
Ты – архитектор, а я – журналистка.
И притерпелись, живем, ничего.

* * *

Двенадцать долек мандарина,
Как губы любящих нежны.
И я их поровну делила,
Но не от сока мы пьяны.

Двенадцать месяцев быть трезвым,
Кормиться праведным трудом –
И вдруг под Новый год так резво
В сад упорхнуть. А что потом?

– Да что потом, не все равно ли! –
Ты в жарком говоришь бреду.
И, как разбойница на воле,
Метель поет в твоём саду.

Под снегом яблони и вишни.
Скучает елка без огней.
И вешать мандарины вышли
Мы, сумашедшие, на ней.

А после, лежа на сугробе,
Глазами пили неба глубь.
И ты ладонью жадно трогал
Луны серебряную грудь.

Так можно во хмелю за счастье
Принять блаженный сон в снегу.
Но от твоей закланной страсти
Я убережусь не смогу.

* * *

Обезумев, тайфуны
швыряли в луну кораблями.
Злобно смерчи пустыни
во мглу поднимали пески.
И, как черные стаи,
наши страхи кружились над нами,
Острым клювом стучались
в седые от боли виски.

И с надеждой я взгляд
обратила к сверкающим звездам.
Протянула ладони
к безумным от буйства ветрам.
И унялись тайфуны,
даря неожиданный роздых
И спасенную долю
усталым больным кораблям.
Пали смерчи покорно
в пески, как уснувшие змеи.
Стали черные стаи
метаться и таять во мгле.
Значит, сила во мне,
и поверила я, что умею,
Что я знаю секрет,
как покой сохранить на земле!

*«Хранительницы покоя на Земле».
Художник Татьяна Чадаева*

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

I

Испания вышла из пены –
Приснилась мне песней Сирены,
Где раненый бык арены
И тленье увядшей сирени.
Плыла ты в мой сон издалёка,
Смугла, высока, синеока,
И связана ныне со мною
Слезой моею ночью
Над лунною бледностью лика,
Над именем Федерико.

II

Певец угасших лилий,
Судьбы незримых линий
Мне преподавал науку
Лелеять в сердце муку.
Любить птенца и море.
Узнать разлуки горе,
Луны печальный танец
И стылой крови глянец.
Калейдоскоп видений
Ночных певучих бдений,
Всевышних озарений,
Космических парений.
Венок терновой славы,
Когда шипы кровавы.

* * *

Блуждание ума и плоти
Уже не вспомнить наяву.
И ночь, как динозавр, проглотит
Снов мезозойскую траву.

Лишь вспышка молнии пробьется
Из сна в рассветный полумрак.
Беззвучной злобой рассмеется
Из прежней жизни некий враг.

За что его я не простила?
За что меня он не простил?
Какая блажь, какая сила
Влечет его из тьмы могил?

Напрасно силюсь вспомнить нечто.
И, слава Богу, не могу.
Живу бесстрашно и беспечно
Назло забытому врагу.

ЗИМНИЙ СОН

Цветы электрические сияют,
Качаясь на стеблях фонарных столбов.
Декабрьский вечер не кажется явью,
Он сон, превративший сугробы во львов.

И сыплются с неба алмазные зерна,
Но белые львы распугали птиц
С ликами женщин, что видят зорко
Из-под разящих как копья ресниц.

Откуда-то сверху доносится хохот
И крыльев широкий взмах.
А львы притаились, идет охота.
Но не поймать им птах.

Целуйте же, звери, мои подошвы:
Я – укротительница львов,
Я – усмирительница непрощенных
Ваших любовных снов.

Мурлыкайте лучше волшебные сказки.
И я их оставлю векам.
А женщины-птицы подарят ласки
Лишь звездам и облакам.

ПРОЩАНИЕ С МОЛОДОСТЬЮ

Я застыла посредине зала,
Новогодний тост свой расплескав.
Молодость-беглянку я узнала
В отражение голубых зеркал.

Опустив на профиль горделивый
Легкую вуаль былой мечты,
Молодость соперницей ревнивой
Унесла приметы красоты.

Карнавал, как яростный фанатик,
Водопадом елочных огней
Погасил в глазах моих фонарик
Юности восторженной моей.

Потому что ждать она устала
Часа, когда кончится стряпня,
Золушка умчалась в вихре бала.
Вспомнит ли когда-нибудь меня?

* * *

Крупинки сахара и соли
 в углу клеенки.
И крылышко сухое моли
 в пустой солонке.
И на листке конец примятый
 последней строчки.
Дымишь ты сигаретой мятной
 в ночной сорочке...
Я на себя со стороны
 гляжу предвзято.
И все изъяны мне видны,
 как в теще, зятю.
Как на ладони все грехи,
 несовершенства.
Один лишь свет – мои стихи,
 мое блаженство.

* * *

О, женщины, родившие драконов,
Так лейте ж ныне горькую слезу!
Космических не ведая законов,
Вы зачинали в пост или в грозу.
И от каких мужчин, грехом клейменных?
От падших ангелов с глазами хищных птиц
Вы впитывали семя исступленно,
Крича от страсти голосом ослиц.
Теперь вы и смиренны, и безгрешны.
Замолены грехи давным-давно.
Но нет покоя, души безутешны:
Дало плоды отравное зерно.

* * *

Губ карминовый жар
И зрачков изумрудная хладность
Всколыхнули давно не игравшую мудрую кровь.
Ты свой взгляд задержал
И мужскую почувствовал жадность –
То беглянка-любовь посетила покинутый кров.

Да откуда она,
Разве чуду дано повторяться?
Или рощу под корень не выжег безумный огонь?
Сквозь безмолвие сна
И под гром юбилейных оваций
Юноликая женщина смелую тянет ладонь.

Осторожность забудь
И блаженствуй, покуда дается
Жизнью мужество брать и в огонь за собою вести.
Птицу Феникс добудь,
Ведь на милость она не сдается
И держи ее нежно, но властно в горячей горсти.

ВСТРЕЧАЯ ОСЕНЬ

Мне не с кем говорить давно
 об Уитмене.
А ты с другими пьешь вино.
 Со мной надменен.
И ты во всем винишь меня,
 коришь в гордыне.
Клянешься: вместе нам – ни дня!
 Одна отныне...
Я с одиночеством сошлась
 счастливой парой.
Обиды свечечка сожглась
 почти задаром.
Забылись напрочь – гроз и слез
 твои уроки.
И, словно листики с берез,
 слетают строки.
И жаждет старая вина,
 встречая осень,
До дна испить бокал вина,
 ударить оземь!

* * *

И водка – не очень.
И кисло вино.
Застолье гогочет.
А мне не смешно.
Но я откупаюсь
Ухмылкой дурацкой
И слушаю глупость
С покорностью.....
И трезвою – белой
Вороной сижусь.
И в небо за окна
С надеждой гляжу.
И в памяти строки
Шевченко читаю:
– Чому я не сокил?
Чому не летаю?

* * *

Прозаична твоя луна,
Точно лампа в белом плафоне.
Бабы липнут, лишь я одна
На твоём не рисуюсь фоне.

Ты «профанами» называл
Тех, кто маётся на зарплату.
И меня бы поцеловал
За любую, сказал ты, плату.

Ты с «профанами» не дружил.
По чужим углам не скитался.
Мухлевал и красиво жил,
И с тузами легко брался.

У тебя мне не гостевать.
Я потомственная «профанка».
Рухнет к чёрту твоя кровать
И засохнет с икрой лоханка.

* * *

Зеленой пастой напишу июльские стихи,
Чтоб лето красное Москвы не дулось на меня.
А то на цыпочках тихи дожди крадутся, как грехи.
А я бросаю все грехи в веселый круг огня.
Зеленой пастой напишу кузнечнику камзол.
Пусть на скрипочке скрипит концерты весь сезон.
А тот, кто дурака сваял и нынче пьян и зол,
Под счет считалочки моей немедля выйдет вон!
Тогда останутся вокруг лишь добрые друзья,
Зеленый ветер, старый дуб, скамейка и трамвай.
И небу слезы утирать любезно стану я.
И зайчик зеркальцем пошлю наверх: не унывай!
А то и тучу за подол проворно ухвачу.
И выйдет солнце погулять по зелени садов.
Июль лечиться от дождя отправится к врачу.
А врач, зеленый попугай, – мастак на сто ладов.

* * *

Раисе Марченко

Светлый друг войдет внезапно,
Как сквозь тучи солнца луч.
Встреть его шампанским залпом,
Так чтоб брызги выше туч!

Этой женщины свечение,
Излученье доброты –
Сердцу лучшее лечение,
И об этом знаешь ты.

Потому тебе охотно
С ней делиться новизной.
А за окнами вольготно
Март целуется с весной.

И взаправду молодыми –
Не казаться – быть легко.
В сигаретном тонком дыме
Улетать до облаков.

Позабыть про все заботы
И что ночь прошла без сна.
Светлый друг пришел в субботу,
Будто в дом вошла Весна.

* * *

Надежде Шмелевой

Надежда, подруга, скорей приезжай!
Прекрасна к дороге погода.
За вечер пожнем мы вестей урожай –
В разлуке прожитого года.

Да только горьки, как степная полынь,
Плоды моего огорода.
Не в помощь им были дожди и теплынь:
В раздоре судьба и природа.

И смерть приходила под утро косить.
Не ждали ее мы так рано.
Как больно нам было отца выносить
Из дома. Свежа еще рана!

И зять наш решил: и, сев в «Мерседес»,
Уехал от дочки подальше.
Но ей это в радость, как в жизни прогресс:
Всё лучше – без лжи и без фальши.

И стала вдруг взрослою младшая дочь –
Родители ей не указка.
И шепчет ей сказку московская ночь.
Была бы счастливою сказка!

Надежда, подруга, скорей приезжай!
Грустны твои прежние вести,
Что в память ложились, как след от ножа.
Ведь горе мы мыкаем вместе.

Надеюсь, что все у тебя хорошо,
Печали в душе не осталось,
И год твой, как радостный праздник, прошел.
Ведь счастье и нам улыбалось!

* * *

Сегодня солнца луч
Целует робко веки,
Как мальчик-гимназист
Впервые, чуть дрожа.
Последний хрупкий лед
Уносят звонко реки.
И наш лихой трамвай
Несется дребезжа.
Нет, мне вас не любить
Отчаянно и смело.
Я знаю – наш огонь
Недолог, лишь на час.
Мне страшно: вы бледны,
Как выбеленный мелом.
Но сердце не спасти
От стужи ваших глаз.
Нет, этот день не наш –
Для нас он слишком светел.
Он для любви иной,
Безгрешной, как у птиц,
Когда на горле пух
Перебирает ветер
И розовый закат
Ласкает голубиц.
И я одна сойду
На тихой остановке.
Воздушный поцелуй –
И скрылся ваш вагон.
Вы упустили шанс,
Мой Дон Гуан неловкий.
И оба знаем мы:
Не повторится он!

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Флотилией в осенних лужах
Плывет опавшая листва.
И мне уже никто не нужен
Шептать любовные слова.

Я недоверчива, как птица
Из диких пасмурных лесов.
С ладони не клюю пшеницу:
Закрыто сердце на засов.

Кто виноват из нас, не знаю.
В гнезде семейном тишь да гладь.
Тебя я слишком понимаю,
Смирилась, чтобы принимать.

Как чёрствый хлеб – другого нету –
Легко любовь твою хранить,
Как неразменную монету,
Хоть есть, а нечего купить.

Не удлиню твой день короткий –
Нам по душам не говорить.
Переберём слова, как четки,
Что нам купить или сварить.

Да и о том в пол-уха слышишь.
Душа моя кричит, скорбя.
Ты крепко спишь, спокойно дышишь
И не выходишь из себя.

А я, как осень умираю.
Листвой последнею сорю.
Нет, я тебя не укоряю,
Обидных слов не говорю.

Ты не узнаешь, что со мною.
Тебе дороже твой покой.
Я как за каменной стеною,
Что встала меж тобой и мной.

ПЕРЕПИСКА С УШЕДШЕЙ ЗИМОЙ

I

Снег последний, снег прощальный
Подарила мне зима.
Из страны небесной, дальней
Написала мне сама.
И земля, как лист альбомный,
Распахнулась в свете дня.
Белый стих на ней любовный —
Это только для меня.
Потому что мы подруги.
Трудно год в разлуке быть.
В наших душах плачут вьюги,
Начинают волком выть.
Потому что так уж случилось:
Виновата я сама,
Что в душе моей осталась
Только снежная зима.

II

Спасибо за письмо, зима!
Я потому спешу с ответом,
Что все мы бренны в мире этом,—
Ты это знаешь и сама.
Как благодарна я тебе,
Что ты не раз мне помогала,
Когда беда в моей судьбе
Печальной нотою звучала.
На Двадцать третье февраля,
Когда отца я хоронила,
Ты белым саваном поля,
Могилу свежую укрыла.

Послала солнца теплый луч,
Хотя до этого скупилась.
Ты разогнала своры туч.
И в этот час я помолилась,
Чтоб дал Господь отцу покой,
Прощения, любви и счастья.
Чтоб там, за гранью роковой,
Не знал он страха и ненастья.
Ведь Бог, наверное, не зря
Его почета удостоил:
На Двадцать третье февраля
Сошел в могилу честный воин.

III

Весенних мартовских снегов
Так девственно чисты покровы!
Поток из светлых слов и снов
Несет восторженность по крови.
Зимы привет издалека
В душе рождает вдохновенье.
И та становится легка,
Как птица в радости паренья.
Прости, зима, что жду весны
И жажду новых звонких песен,
И дней, когда цветет жасмин
И взгляд случайный интересен.
Прости, зима, за всё прости.
Плыви по замкнутому кругу.
Мы встретимся. Держи в горсти
Моей души тоску и вьюгу.

* * *

Пред вами в долгу я – за боль от ожога.
Хоть дан был задаток, такой, как хотели:
Я несколько маков из алого шелка
Забыла на память на вашей постели.
Упреков не надо: вы были прекрасны,
Как греческий бог. И ваш профиль орлиный,
И взгляд притягательный страстью опасной:
Слились в нём двух горных обвалов лавины.
О, как я боролась за жизнь и свободу!
Вы были стихией, властителем бала.
И с пьяным азартом метали колоду.
Червовое сердце тузом выпадало.
О, сердце мое, как же ты трепыхалось
Побитое черной козырною мастью.
Вокруг тусовался вакхический хаос,
И все веселились, но не было счастья.
Из комнаты смеха, из города страсти,
Из края морского, где громко вы жили,
Я тихо ушла, чтобы солнца не застить
Безумно влюбленным, чьим светом вы были.
Пусть месяца лодка качает разлуку,
Пусть стылый закат от печали сомлеет.
Смакую, как мед, вашей страсти науку
И, годы спустя, ни о чем не жалею.

BUPA!

* * *

Не чувствует почвы душа под собой:
То – Вира! То – Майна!
Во всём, что зовётся моею судьбой,
Какая-то тайна.

А годы, как воды, уходят в песок.
На сердце тревожно.
И тайну, хотя бы на волосок,
Понять невозможно.

* * *

Снег ноздреват, как сыр голландский.
Форсит в преддверии весны.
И не жалеет солнце ласки
Щекам, что за зиму бледны.

Грех вспоминать свои обиды.
Быть старой и унылой грех.
Февраль открыл любви кредиты
Без исключения – для всех.

Не скрыть огня в глазах зеленых.
Собольей бровью поведу.
Как мало в городе влюбленных!
Как много грешников в аду!

* * *

Ходит по кругу февральская выюга
В утреннем сне площадей.
Мы никогда не узнаем друг друга
В пёстром потоке людей.

Время нещадное нас изменило.
Серые лик и душа.
Я позабыла всё то, что любила.
Ты же всё пропил, греша.

Выюга уймется, весна заарканит
Диких зеленых коней.
И под копытами звонкими канет
Серость проигранных дней.

Но отразиться весна не сумеет
В наших потухших очах.
И пробудиться душа не посмеет
В чувственных сладких лучах.

Будет, как ныне, незримая выюга
Жизнь нашу сковывать сном.
Мы и поймём и узнаем друг друга
Разве что в мире ином.

* * *

Мне мера во всём была свыше,
Как имя, дана.
Ни денег мне лишних,
Ни власти, ни славы не надо.
Я в белом саду
Для любви была рождена,
Но я заблудилась,
Очнувшись средь черного сада.

Когда я уйду вслед за ангелом
Светлым моим
В певучий свой мир, где по радугам
Ходят походкой летящей,
Молитесь, любимые, Господу
Ибо ваш грех умолим,
Чтоб вам не испить
Мою горькую слёзную чашу.

КРИК БАБОЧКИ

Залетела бабочка ко мне
Ночью лунною незваной гостьей.
Охристый рисунок на спине:
Череп, и под ним скрестились кости.
Десять лет живу я на югах.
Крым – Кавказ. И всякое видала,
Но меня сковал животный страх.
Словно человек, она кричала.
Я искала в памяти слова,
Что об этой бабочке читала...
Бражник «Мёртвая голова»
Криком мою душу содрагала.
Точно человека кто убил,
А его семья о том не знала.
И Господь ту душу воплотил
В бабочку, которая кричала.

* * *

Стареющая красота,
Как ты ранима!
Дней быстротечных суета
Под слоем грима.

О юной свежей красоте
Слагают песни.
А о тебе – лишь только те,
Кто лжет из лести.

Но не сдавайся, красота,
Не унижайся.
И на сопливого хлюста
Не обижайся.

Глядит он дерзко, не любя,
Играет страстно.
Не доверяй ему себя
На глум напрасный.

Твой зрелый ум тебя спасет
И воли твердость.
Пусть время прелесть унесет,
Оставит гордость...

* * *

Не стыжусь одиночества бремени.
Одиночество крылья растит.
Проку нет от пропавшего времени,
От сомнений, тоски и обид.

Оглянешься: полжизни растрчено.
Вроде годы прошли не в гульбе.
Но не сделано то, что назначено
Для души, в её вечной судьбе.

Разлетелись, как по ветру фантики,
Безвозвратно друзья и враги.
Где лгуны, празднословы, романтики,
Правдолюбы, что вечно строги?

Кочевая в том жизнь виновата ли?
Но о прошлом ничуть не скорблю.
С одиночеством рано сосватали,
Но его, как ни странно, люблю.

Потому как шептаться мне с Космосом
Не мешает отныне никто,
И умею я ласковым голосом
Звёздных рыбок ловить и решето.

МОЙ ЮНЫЙ ПУШКИН

*Поэты, признайтесь,
Что каждый из вас
В мечтах с ним
Встречался не раз.*

Мулатки абрикосовой
Дитя звонкоголосое,
Счастливый избранник муз,
Поэт и проказник,
На дружеский праздник
К тебе я однажды явлюсь!

Напрасно нас время
Держало за стремя.
Свободен полёт наших душ.
Друг друга встречаем –
Ни тени печали!
И весело пенится пунш.

Живи, ясноглазый, –
«Да здравствует разум!»
Из разных времён беглецы,
Мы – ветер и птица.
О! Как нам летится!
Пушай же злословят глупцы.

Цари, патриархи
Истлели во прахе,
Забвенье их скрыло стеной.
А ты, мой любимый,
Стоишь невредимый.
А пуля прошла стороной...

* * *

По снегу голубому
Под солнцем и луной
Душой своей влекомый
Придёшь ко мне одной.
Ты скажешь: – Очень странно,
Что утекли века,
Иные люди, страны...
А ты мне так близка!
Стихов старинных книжку
Открыв, где мой портрет,
Восторжен, как мальчишка,
Ты скажешь: – Смерти нет!
С какой-нибудь страницы
Среди земных забот,
Как радужная птица,
Душа моя вспорхнёт.

* * *

Море холодом встретило осень.
У курортников вздыбились нервы.
Стылый ветер бил листьями оземь,
Как картежник, козырной червой.
Евпатория бархат сезона
Подарила заезжей певице.
И она, новым платьем фасоня,
Выступает в далёкой столице.
А в приморье пустынно и тихо
В ресторанах, в курзале, на пляже.
За билетом на поезд франтиха
Мчится ланью, а мне, прямо скажем,
Праздник сердцу и взору услада –
Одинокие волны седые,
Когда думать и спорить не надо
В сигаретном отчаянном дыме.
Когда Муза любви и печали
Неожиданно в гости заходит,
И душа, молода, как в начале,
Запоёт соловьем на восходе.

3 августа 2003 г.

МАЛАЯ РОДИНА

Малая родина, ты мне чужая.
Маме была ты родной.
Глиняный домик у самого края
Сунжи с мазутной волной.

Чтобы родить меня в городе Грозном,
Ехала мама с войны.
Страх мой утробный в гудке паровозном
Видел чернильные сны.

Как мои бедные предки попали
В жаркий чеченский предел?!
Трудно они с Шамилем воевали,
Как им наш царь повелел.

То ли на них вековое проклятье
Этой недоброй земли?!
Дед мой, убитый, и мамины братья
Страшные муки прошли.

С мамою мы за отцом кочевали.
Быт офицерский не прост.
Летом у бабушки в Грозном бывали.
Рано ей выпал погост.

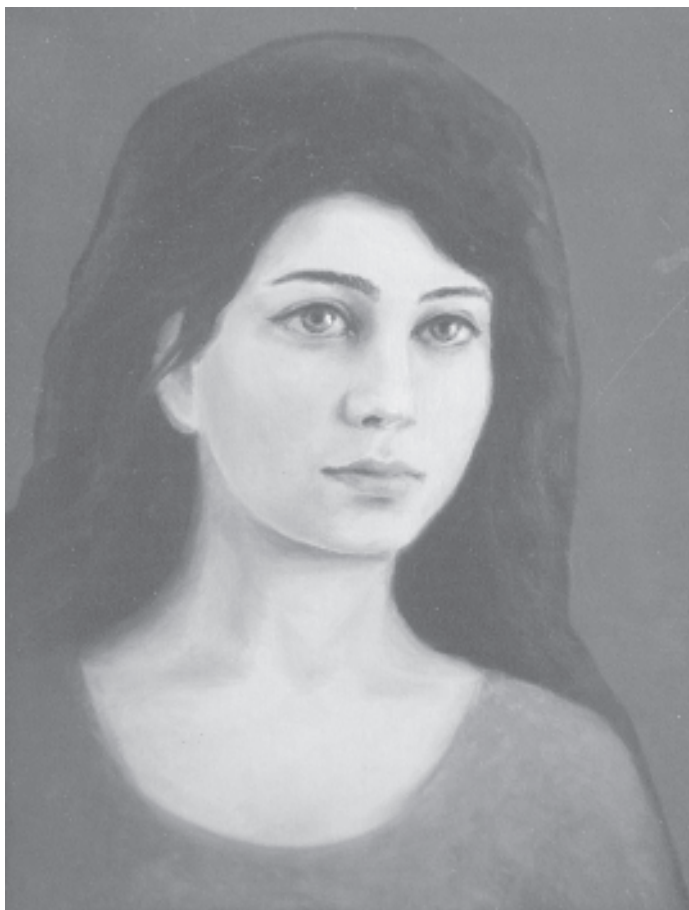
Родине малой «прощай» я сказала
Рано. В четырнадцать лет.
Парни чеченские мне на вокзале
Роз подарили багровый букет.

* * *

Я стою у своего портрета,
Где всего мне восемнадцать лет.
Молодость моя, скажи мне, где ты?
От тебя остался только след.

За моей спиной у портрета
В новом доме новые друзья
Дружно восхищаются, при этом
Не поняв ничуть, что это я.

Ах, как грустно! Отзвенело лето.
И, увы, непустишь время вспять!
Сколько юных песен не допето!
И теперь их поздно допевать!

*«Портрет Татьяны Уваровой»
Художник Илья Исеев*

* * *

Нет, предаваться страсти оголтелой
Не стану я, как юные, беспечно.
Когда божественно прекрасно тело,
Любовь уместна, хоть и быстротечна.

Не верю в сказки я о вечно юных,
Хоть и не всю красу украдо время.
Зеленый друг, не жди страстей безумных.
Я не возьму на душу это бремя.

* * *

Когда бы Бог избрал себе народ –
Иные бы народы уничтожил.
Значение деянья подытожил:
Вот лучшая, пожалуй, из пород,
Оставленная мною на расплод.
Но Бог себе народа не избрал:
Далёк от жизни светлый идеал.

БАЛЛАСТ

Саша Медведев – пастух деревенский,
Брат мой двоюродный, трудно живет.
Семь лет получки не видел, и хрен с ней!
Тянет семью, поджимая живот.
Не богатырь, ведь не то чтобы вдоволь
Каши и мяса, почти что без них.
Помню, кормилица Зорька-корова
Доится смирно – вечера скольких:
Мама с отцом да вас, четверо малых,
С хлебом ржаным да парным молоком.
В годы советские всяко бывало.
Плачь, не судачь да ходи под хмельком.
Век дерьмократии обухом новым
По голове норовит, чтоб не встал.
Вешай не вешай на двери подковы –
Крепко делец, как ведьмак, оседлал.
По телевизору брат, между прочим,
«Видел хозяина стада своего.
Врал он, подлюга, что платит рабочим
В месяц две тыщи и боле того».
Где же та власть, что на чистую воду
Выведет выжиг, народ не предаст?!
Саша Медведев познает свободу,
Плечи расправит и сбросит балласт!

* * *

Ты умирал на грузино-абхазской войне...
Вдруг мне послышалось: – Вспомни сейчас обо мне.
Голос твой тих был, как шелест березки в саду.
Ты умирал и меня ты окликнул в бреду.
И пронеслась сквозь пространство я, глядя в окно:
Ты на земле, а вокруг кровавое пятно.
Не вспоминай, умирая, мой друг, обо мне.
Душу неси ко второй, безупречной жене.
Ей над могилой твоей безутешно рыдать,
Волосы рвать на себе и в тоске увядать.
Мучает совесть, что долг мне не отдал сполна?
Мне же покойно, что я, слава Богу, тебе не должна.
Разве что только со мною ты выбрал военный удел,
Принял присягу, погоны на плечи надел.
Но без меня ты решился идти воевать,
Грузии-мачехе сердце свое отдавать.
Наши пути разбежались – на Русь и Кавказ.
Наша любовь – это долгий печальный рассказ.
Юность, как песня. Пропели - забыли слова.
Чудный мотив, но его я припомню едва.
Только глаза твои в сердце несу, как цветы,
Неотразимой, почти колдовской красоты.
Как пилигримы с тобою мы шли по судьбе.
Спи, мой красивый, а я помолюсь о тебе.

О ВЕЧНОМ

О вечном, о вечном
И только о нём
С пылающей страстью,
С душевным огнём
Я буду слагать свои вирши
По праву, что дал мне Всевышний.

Пусть водят планеты
По кругу меня.
Они не монеты,
Но всё же звенят
В бездонном кармане Вселенной,
А в звоне том смысл сокровенный.

И пусть не пойму я,
Всего не пойму,
Чего не назначено
Мне по уму.
Но к истине дух мой стремится
И в Свет навсегда воплотится.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ДОЧЕК

Илоне и Инне

Ночь еле слышно бьет в бубен луны.
Звезды звенят, как стеклярус на платье.
С музыкой этой небесные сны
К нам подплывают, раскрывши объятья.

Был суетливый и взбалмошный день,
Но за него ожидает награда.
Сон вас окутает, словно сирень
Белой махровою кипенью сада.

Неугомонные дочки, пора
Веки сомкнуть, подвернув одеялки.
Завтра начнется другая игра –
Счастье спрядут вам небесные прялки.

Спите, красавицы. Рыцари ждут
Вашей руки. Свадьбой кончатся сказки.
Праздник любви и семейный уют –
Всё вам за ваши зелёные глазки.

* * *

Тает горсточка снега в ладони –
Так слезами истает душа.
На заснеженном людном перроне
Обнимаю тебя, не дыша.

На прощанье бокалы звенели,
Гомонила, как улей, родня.
И побыть мы вдвоём не сумели
В суматохе последнего дня.

На подножке вагона в тревоге
Отвечаешь ты мне невпопад,
Что меня на обратной дороге
Зацелует до слёз снегопад.

Опасенья и ревность напрасны.
Поезд мчит тебя, вьюгой пыля.
Снегопад же целует бесстрастно –
На губах только вкус миндаля.

Между нами растёт расстояние,
Но крепчает душевная связь.
Как для чувства найти мне название?
Со слезинкой снежинка слилась!

* * *

В России знаменитым трудно быть.
Над нею звезд плеяды светят ярко.
Россия любит гениев плодить.
Мать-героиня перед ней школярка.

Великая и светлая страна,
Она рождает истинно великих.
Не с каждым слава на земле дружна,
Но в Божьем царстве их сияют лики.

КЛЯТВА

Как молния, с первого взгляда
Смогла красотой поразить.
И стала любовь и отрада
Жена на нём воду возить.

Всю жизнь для него «дорогая»
Была. Но устал он любить.
И стала меж ними другая,
Как черная кошка, ходить.

Лишь только случится отлучка
Любимой жены по делам,
Как в дом заявляется Штучка
Случаться, с грехом пополам.

Он думал об этом с тоскою:
К чему эта глупая связь?
Но в нём шевелилось мужское
Тщеславье – такая напасть!

Чужачка, мечтая о браке,
Не то, чтоб гульнуть и слинять,
Измены коварные знаки
Решила жене оставлять.

Жена находила те знаки:
Заколки, помаду, часы –
И выла, как воют собаки,
К покойнику. Бог упаси!

Он лгал изошрённо, он клялся.
– Пустое! – кричала жена.
Чем только бы ты оправдался?
Жизнь матери – клятва верна.

Как только язык не отнялся?!
Но век быть с любимой женой!
Он матерью милой поклялся,
Он кровью поклялся родной.

Поверив, жена засияла.
Борщ варит и песни поёт.
А мать по аллее гуляла,
Вдруг грянулась птицей об лёд.

И день не прошёл – телеграмма,
Принёс почтальон им с утра:
«Внезапно убилая мама,
И в среду хороним. Сестра.»

НА ПЛАНЕТЕ ВАМПИРА

1

Словно Божие око
В бесконечности мира,
Я была одинока
На планете Вампира.

2

Здесь реками струится кровь,
Впадая в океан кровавый,
Горит над головою кров,
Бьет правого злодей неправый.
Не милосердному Творцу
Здесь поклоняются – убийцам.
По изуверскому лицу
Равняются тупые лица.
Здесь здравых не хотят речей.
У наций мания величья.
Варфоломеевских ночей
Здесь жаждет мальчик для отличья.
С одной извилиной в мозгу,
Таща награбленного массу,
Погромщик здесь излил тоску
По человеческому мясу.
Кто с финкою, а кто с кайлом.
Обрезы разряжает шизик.
Поэт готов убить пером.
Нейтроном потрясает физик.
О, люди, это всё у нас,
Всё на земле: и рознь, и свары
Неотвратимо близят час
Той справедливой Божьей кары
– Апокалипсиса.

* * *

Как муха, очутившись в молоке,
Все силится причалить к стенке чашки,
Так ты плывешь по утру налегке.
Мрак белый, непрозрачный. Снег летящий.

— Ни зги не видно,— прошлый век вещал.
А нынешний нещадно матерится.
Из белого февральского плаща,
Как птицы, вылетают чьи-то лица.

Ты заблудилась улицей чужой.
Куда идти? Где дверь родного дома?
Скользит по шее мокрый снег ужом.
И всё вокруг до боли незнакомо.

Теперь ты знаешь цену белой мгле
И кочевой таинственной планиде.
Где город твой родимый на земле?
Скажи: не знаю. Только не в обиде.

Вглядись. Ты видишь: Ангел впереди.
Иди за ним, хранитель твой с тобою.
И божий береги огонь в груди.
Тебя и мир согреет он любовью.

...Гремишь ключами у двери входной.
И шестикрылый Ангел за спиной.

**Памяти Анатолия Болдырева,
курсанта Владивостокской мореходки**

В мире ином всё не так,
Всё с головы до пят.
Красные бабочки на черных цветах
Сном непробудным спят.

Ты, живой, идешь по волнам,
Словно бы божество.
Но почему-то не весело нам,
Не радостно от того.

От нас ты ушёл далеко вперёд
Лёгок, как снег, твой шаг.
В глазах у тебя синий-синий лёд,
Гюйс голубой на плечах.

Чист, как лотос при свете звезд,
Смел и силен, как тигр.
Сколько девичьих унес ты слез,
Бренный покинув мир.

Были друзьями, и вот финал:
С тобой нам не пить, не есть.
Пусть черное сердце сожжёт вина
Тому, кто посмел убить.

Мы не сумели его достать.
Может, еще живой.
А, может, мертвую книгу листать
Ушел под собачий вой.

Так что, прощай, о нас не грусти.
В мире твоём всё не так.
Лучше задержимся мы в пути,
Чем спать на черных цветах.

МОЛИТВА

Власть без границ
И мудрость без предела
Твои, Господь,
Во благо для меня.
Паду я ниц,
Грешна душой и телом.
Покаюсь робко
На исходе дня.
Прости меня,
Не отвергай меня.
По пастбищам земным
И по небесным кущам
Паси свою
Заблудшую овцу.
Хозяин, милосердный,
Всемогущий,
Бреду смиренно
К твоему крыльцу.
Моя молитва -
Лучшая броня.
Спаси меня,
Не отвергай меня.

* * *

Фирозе Магомедовой

Подарила розу мне Фироза,
И не мёртвую, в букете, а живую.
Чудная цветёт в горшочке роза.
С нею рядом я душой ликую.

Соревнуется Фироза с розой
В красоте, в благоуханье нежном,
Светлоглаза и темноволоса,
С кожей, атласно-белоснежной.

Дагестанец папа у Фирозы.
Мама русская. И дочь, цветочек вешний,
Так же экзотична, как и роза
Из каких-то дивных мест нездешних.

Круглый год цветёт, щедро на завязь,
Роза на окне любовью красной.
Да не застит свет ей злая зависть!
Да хранит Господь её всечасно!

* * *

Люблю я молиться ночами
О счастье своих дочерей.
Сияет мой лик пред свечами.
На сердце теплей и светлей.

Уснули греховные души,
Не ропщут, не глядят людей.
Никто не сумеет нарушить
Полночной молитвы моей.

Ни шума, ни суетных действий,
А звезды, как лики икон.
И ангелов добрые вести
Приемлет судьба, как закон.

* * *

Любовь, быть может, вечной и бывает,
Когда два ангела друг друга свято любят.
Но мы не ангелы. И море убывает.
И вот ты стал со мною злым и грубым.

Что грех таить, сама бываю нудной
И, как пила, пилю тебя нещадно.
И вопли твоей жизни многотрудной
Порой слышны на лестничной площадке.

А море высыхает без подпитки.
Ни нежных ручейков, ни страстных ливней.
Стоим у лужи. Жалкие улыбки.
А на висках засеребрился иней.

Но знаем твёрдо – не уйдём к другим мы,
Ведь стала я мудрей змеи библейской.
Главой сияешь ты в семейном нимбе,
А в сердце долг присяжности армейской.

* * *

Веронике Тушновой

Флажками колышутся блики
На лоджии в отчем дому.
Читаю стихи Вероники
В прохладном июле в Крыму.

И в душу вливаются строки –
Горячий напиток любви.
И голос крепчает далекий,
С небесной лиясь синевы.

Втесался с нежданной прохладой
Средь лета осенний денек.
И сердце остывшее надо
Зажечь, как свечи фитилек.

А книга ладошки раскрыла,
Готова все перлы раздать.
И, полная нежного пыла,
Я буду до ночи читать.

С портрета прекрасная ликом
В июньском сиянии дня
Влюбленная в жизнь Вероника,
Ликуя, глядит на меня.

Евпатория, июль 2003 г.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Роза в бокале еще не опала.
Ссохлись её лепестки.
Как ты жила и кого целовала
Чувствам своим вопреки?

Дома, в шкатулке, храню я косичку,
Волосы цвета огня.
В Углич не пишешь, забыла москвичка
Старых друзей и меня.

Школа, где рядом за партой сидели,
Стала ветха. И на слом
Скоро пойдёт, ей осталась неделя.
Новая тут, за углом.

Нашу скамейку давно разломала
Бешеная молодёжь.
Наша берёзка с обрыва упала,
Даже следов не найдёшь.

Позавчера твоя мама сказала,
Будто несчастным слыву.
Встретил случайно её у вокзала,
Ехала, видно, в Москву.

Очень просила меня не тревожить
Твой обустроенный быт,
Встречь не искать и проблемы не множить,
И постараться забыть.

И описала роскошную дачу,
Где ты разводишь цветы.
Муж на высокую должность назначен,
В жизнь воплотились мечты.

Ночью не стану я плакать в подушку.
Утром на смену вставать.
В клубе на танцах найду я подружку,
Чтоб помогла забывать!

* * *

Яркий мир любви, цветов и радуг
Поглотила суетная мгла.
Ничему душа уже не рада.
Как в канаве, холодна и тускла.
Где её духовное сиянье,
Ведь она, как солнца луч была?
Тёмный омут – с близкими слиянье,
Зов инстинкта, страсти кабала.
У потомства ценности иные.
Строго спросят: – Где твой капитал?
Умные, те денежки шальные
Сделали и ныне правят бал.
Их птенцам успешничать вольготно.
Всё своё: и банки и дома.
Ну, а нам? Стихи читать дремотно,
Проблески наивного ума?!
И стоишь пред ними, как распятый.
Слово молвишь – тут же рот заткнут.
Без вины настолько виноватый,
Что и небо кажется с лоскут...

* * *

Листочки блокнота,
Что был не исписан,
Вы все пожелтели,
Как листья осенние.
Мне жаль, что на вас
Не писала я писем.
Вы б все улетели,
Как птицы, на Север.
Мне жаль, что на вас
Не писала я песен,
Тогда б композитор
Ласкал вас, мурлыча.
Иль томной певицы
Роскошные перси
Прижали б вас к сердцу
Нежней, чем добычу.
Мне жаль, что на вас
Не писала я стансов
Вы б жуть натерпелись
В редакторской папке.
Секретом не стало,
Что враз может стать:
Вас скомкают, бросят,
Как нищему в шапку.
Я зря пожалела вас.
Вы ж не жалейте,
Что долго храните
Свой девственный облик.

И дальше мечтайте,
Смелее желтейте.
Представьте, плывет к нам
Божественный облак!
Он щедро прольётся
В иссохшую душу.
Перо испещрит вас
Немеркнущим словом.
Я святость молчанья
Пока не нарушу.
Вы ж нежность копите ,
К разлуке готовы.

МОЛИТВА О БЕЗДОМНЫХ

Помолюсь в своих пенатах скромных
Я о доле сырых и бездомных.
Дай, Господь, им крышу, стены, двери –
Дом родной, войти в него с доверьем.
Сесть за стол, вкусить простую пищу.
Дай очаг нехитрому жилищу,
Чтоб душой и телом согревались,
На своей постели отсыпались
После дня томительной работы.
Дай, Господь, познать твои щедроты!
Нам же, людям, век за них молиться
И своим достатком поделиться!

* * *

Постарели. Дальше что же?
Прошное жевать?
Ты сказал: – Грустить негоже.
Будем доживать.
«Доживать» – какое слово:
Жалкое, как всхлип.
Жить начать бы надо снова.
Прочь, стереотип!
Если здраво разобраться,
Доля нелегка.
Не жила еще я, братцы,
Не жила пока.
Собиралась полной жизнью
Жить, да всё никак
Не начну в своей отчизне
Видеть свет сквозь мрак.
Без оглядки, точно фея,
По лесам бродить,
Чтоб не смели лиходеи
Душу бередить.
По театрам, по концертам...
Страны б повидать!
Чтоб в восторге билось сердце:
Вот так благодать!
На колёсах или пешим
В даль, судьба, влеки!
Спеть бы голосом окрепшим
Вечные стихи!

ПРОЗА ЖИЗНИ

На пятки проза наступает.
Она поэзию пугает
Своей кошёлкою базарной,
Физиономией вульгарной.
С вопросом жутким «Что почём?»
Муз не заманишь калачом.
Они порхают так высоко,
Что в небесах не видеть оком,
Зигзагом в душу вам плюют
И звездам виршики поют.
А вы, ничтожны, как окурок,
Воспоминанья об амурах
Плетёте в рифму кое-как,
Пока в борще кипит бурак,
За ним картофель и морковка,
Капуста, лук, томат. Сноровка –
И усладил читатель вкус
С плебейкой прозою без муз.
И так, вкушайте же отраву –
Дешёвую похлебку славу!

ДОЧЕРЯМ ИЛОНЕ И ИННЕ

Это чудо не могло не сбыться:
Две невесты, розы в волосах.
Нашей жизни светлые страницы
Сам Господь листает в небесах.

Звон бокалов с тёплыми речами.
Два цветка, о, как вы хороши!
Слёзы счастья светлыми ручьями
Льются сладко из моей души.

Ждёт вас благо с добрыми мужьями.
В том порука – мудрость их и честь.
Будет нежность вечная меж вами,
А событий радостных не счесть.

Непременно станет разноситься
По простору дома детский смех.
Птица счастья, радужная птица,
На ладонь садится без помех.

* * *

На краю обрыва
Весело стоять.
Над рекой игривой
Хочется летать.

Воспарить, как птица –
Миг еще – смогу.
Эй ты, смуглолицый,
На дальнем берегу!

* * *

Дремлет светотень
На холсте пруда.
В этот ясный день
Не придет беда.

Светоносный шар.
Лучезарный снег.
Ныне Божий дар
Разделён на всех.

Сброшу с лика тень,
Осенясь крестом.
В этот светлый день
Только радость в дом!

* * *

То ли дождь, то ли снег
Под конец зимы.
То ли плач, то ли смех —
Не услышим мы.

Тонет звук в вышине.
Радость на душе.
Месяц светит в сосне,
Как вода в ковше.

Нежно лижет лицо
Влажная метель.
Разметалось сельцо
На пейзаж-пастель.

То ли явь, то ли сон...
Жду я от весны
Под бубенчиков звон
Маслены блины.

* * *

Страсть любви отбушевала,
Дремлет тихой тенью.
Нет в душе твоей запала.
Замерло в ней пенье.

И покорно под подпругой
С рабскою повадкой
Мчишь по замкнутому кругу
Цирковой лошадкой.

Где-то воля, чисто поле,
Шалых ветров пенье.
Под дугой, как в ореоле,
Ты – само терпенье.

Упадёшь, померкнет разум.
И скажу я плача:
Неспроста свалилась разом
Загнанная кляча.

О БЕДНОЙ ДУШЕ БОГАЧА

От богатств земных
Не питать души.
Голодна, как пёс,
Богача душа.
Для неё, как жмых,
Бриллиант паши,
Как и псу овёс –
Значит – ни шиша!

Пышнотой одежд
Не укрыть души,
Не согреть в мехах,
Не унять озноб.
Божий свет надежд
В ней не потушить.
Вся она в грехах –
Полный гардероб.

К жизни вечной ей
Не найти путей.
Хоть врата всегда
И для всех – враспах.
Да, видно, ждать суда
С печатью на устах.
Брести с пустой сумой
Из юдоли земной.

НЕ СУДЬБА

Ушли как не бывали
Январские снега.
Мы долго забывали
Их белые стога,
И Рождества сиянье
На елях голубых,
И наших душ слияье
В круженьях снеговых.
Друг друга забывали
Под шелест майских трав,
Что не сумели с вами
Смирить свой гордый нрав,
Друг другу поклониться.
Мы, словно два столба.
Могли бы пожениться,
Да, видно, не судьба!

ЛЮБОВЬ И УДАЧА

Мы счастливы были,
Но вслед вам не плачу.
Меня вы любили.
Любите Удачу!

Ведь вихрем успеха
По сонной планете
Промчаться – потеха,
Нет лучше на свете!

Быть первым назначу –
Здесь нет криминала.
Любовь на Удачу
Я вам обменяла.

С приходом Удачи
Любовь убывает.
Лишь так. А иначе,
Увы, не бывает!

МИСТИЧЕСКОЕ

На амплитуде ревности твоей
В ночи качался месяц саблевидный.
Ты бил словами, всё ловчил больней.
Увы, жене не больно, не обидно.
Давно разбита амфора души
У женщины, уже почти абстрактной.
Любовь и смерть, и запах анаши –
Конец абсурдной пьесы многоактной.
Как саламандра долгою зимой,
Жена застыла – сон в анабиозе.
Иначе бы давно ушла в запой
Иль сонники глотнула б в львиной дозе.
Всё требуешь каких-то прежних чувств.
На твой вопёж безудержно звериный
Она теперь не открывает уст,
Как на картине женщина старинной.
Там выглядит прабабушка юней
Несчастной правнучки, твоей супруги.
И с трепетом глядишь в глаза ты ей –
Опасные в них дремлют вьюги.
Так вот, судьба твоя предрешена.
Сплетён двух женщин заговор искусно.
Ведь на картине есть бокал вина
И медальон, что яд хранит безвкусный.
Смерть от него тебе предрешена
Той, что глядит лукаво с полотна.

* * *

Милый, ты себя погубишь.
Я предчувствую беду.
Слишком сладкое ты любишь:
Утоплю тебя в меду.

Между нами пчелы кружат,
Норовят к губам припасть.
Девки с парнями так дружат,
Что всегда легко пропасть.

Пропаду я, пропаду я,
Пропаду я не за грош.
Может, в рай и попаду я,
Если ты туда пойдёшь.

* * *

Читаю стихи нимфоманки
И точно на диво дивлюсь:
Страдания старой шарманки!
А я все никак не влюблюсь.
Да что я такое кропаю,
Замужняя дама вотще?
От взглядов горящих не таю.
Все помыслы в свежем борще.
Пакет с овощами с базара
Привычно, как лошадь, тащу.
Не строить же глазки задаром
Проезжаем в «тачке» хлыщу.
Читаю стихи нимфоманки,
Как падают разом тела
На пол, словно бревен вязанки.
О, как же их страсть повела!
Листаю от края до края
Всю книгу – наркотик почти –
Как страждет она, изнывая,
Что он к ней не хочет прийти.
О бедная, как ее жалко!
А мне, слава Богу, фартит:
У сердца стальная закалка,
Душа – ледяной сталактит.

АМАЗОНКА И КОМПЬЮТЕРЩИК

В компьютере – игра.
Там скачет амазонка
На розовом коне
Сквозь голубой простор.
В ее руках копье.
Она смеется звонко,
Когда сдыхает зверь,
Заколотый в упор.

И у нее уж год
Есть воздыхатель верный,
Компьютерщик седой
И жалкий, как червяк.
Когда бы не она,
Давно бы вскрыл он вены
И выпал навсегда
Из стоптанных чувяк.

В зрачках его больших
Привыкли отражаться
Точеная рука,
И бронзовая грудь,
Копье, и щит, и меч,
Уставшие сражаться,
И смертная тоска,
И яростная грусть.

Всё нескончаем бой.
Спешат сражаться монстры
В надежде взять реванш
И силой взять любовь.
Но с легкостью побед
Жить было б слишком просто.
Они обречены
Издать предсмертный рёв.

Компьютерщик, ликуй!
Она непобедима.
Для всех всегда ничья
Воительница снов.
Тебе она, как свет,
Как вздох, необходима.
Она – твоя семья.
Она – твоя любовь.

НА ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ ГОРОДА ДЗЕРЖИНСКИЙ

Ты стоишь, мой град,
На святой земле
И цветешь, как сад,
Во людском тепле.

... Вёл Димитрий-князь
Русичей на бой.
Под сосной молясь,
Видел лик святой.

Средь сиянья звёзд
Святитель Николай
Божью милость нёс
В подневольный край.

И угреши сим
Сердце воина –
Видно, хватит сил,
Будем вольные!

И победа нам
В Куликовский бой!
И воздвигнут храм
В честь победы той!

На Угреше стой,
Монастырь святой,
Николай Святитель,
Божия обитель!

Повидал-то ты
На своем веку
И пожар-цветы,
И разор-тоску.

Но настал твой час –
Преображения.
Не осталось в нас –
Пренебрежения.

И стоит мой град
Подле стен твоих.
Точно новый сад.
Словно божий стих.

Ты сияй, мой град.
На святой земле!
И цвети, как сад.
Во людском тепле!

ГОД ДРАКОНА

Двухтысячный год наступает,
Великий и мудрый Дракон.
Он важно и гордо ступает
В наш проклятый Вавилон.
Он знает забытые тайны.
Он ведает, что впереди.
Со знаком звезды не случайно
На пышущей мощью груди.
В очах его лунно-огромных
Читаю я древний завет:
Вы были когда-то бездомны,
Вы с Марса, вы с разных планет.
Мужали, мудрели народы.
Старели и гибли миры,
На лоне богатой природы
Вы собраны здесь до поры.
Жемчужина нашей вселенной –
Земля! Ей владеете вы.
Коль будете злы и надменны,
То вам не сносить головы.
Господь вас собрал не для битвы.
Господь вас собрал для любви.
Но вы позабыли молитвы
И топите Землю в крови.
Напрасно вверяли пророки
Вам к Истине верный маршрут.
Религии – это дороги,
Что к Богу народы ведут.

Но вы извратили ученья
И с верных маршрутов сошли
На тропы безумного мщенья
Во имя раздела Земли.
И демоны стали рождаться
Средь вас и творить беспредел,
Как спруты, сгребая богатство,
Оставив вам нищий удел.
Двухтысячный год наступает.
И сколько подарит нам лет?
Мы – люди. Но кто из нас знает,
Как выполнить древний завет?

ТРИ ЗАКОНА

I

ЗАКОН ЗАПИСИ

Присевшая на краешек дивана,
Казалась медиум мне маленькой и странной.
И вдруг сказала: – Старенький диван
Изведал всё: и страсти, и обман,
И боль, и смерть, продажу и даренье,
И переезды. Все его мгновенья
Мне видимы. Есть записи закон.
Он вечен, но не всем известен он.
Здесь отпечатки, образы, клише,
Здесь сотни лиц я вижу в неглиже,
След мыслей, чувств, поступков самых разных
И спать на нём не целесообразно.
Пожалуй, даже можно заболеть,
Случится лишь духовно ослабеть.
Дивану вашему под сорок лет,
Владельцем первым милый был брюнет,
Интеллигент, трудяга и аскет.
Но вскоре он без памяти влюбился
И, как в миру заведено, женился.
Жена была хорошенькой, игривой.
Но на диване часто рыжей гривой
Любовников случайных щекотала,
Покуда муж с проверкой Шикотана.
Здесь спали гости, деверья и тёща,
Которая была в два раза толще.
Диван упруг был, молод, возгордился,
Но вдруг в контейнер он не поместился,
Когда супруги уезжали в Ригу.

И вот по объявлению поп-расстрига
Диван, на вид как новый, покупает.
О нём стихи с восторгом он слагает.
Слывёт известным в городе поэтом.
Поклонниц полк, но что писать при этом?
Но шли года. . . Старушка на диване
Преставилась пред Богом утром ранним.
Диван-таки, бедняга, укатил
В столицу, где созвездие светил
На нём сидели, славно пировали,
И ночевали тут, и наплевали.
Но льётся жизнь сквозь решето времен.
И вот уже в коммиссионке он.
– И чем тебе чертяка приглянулся?
– Купила, точно новенький прогнулся.

II

ЗАКОН СХОДСТВА

– Быть может, меж тобою и диваном
Флюиды проплывали непрестанно.
Два камертона одинаковой волны
Друг другу вторят, в том их нет вины –
Закону сходства всё подчинено.
Не все то знают, то-то и оно!
И ты купила старого бродягу.
Диван с собою притащил «бодягу» –
Архив, который вырос при тебе:
Марш похоронный и в твоей судьбе.
Отец болел и на диване умер.
Затем приехал братец поболеть,
Чтобы потом уехать умереть.
Стих на диване складывался споро,

Но даже этим не прельщал он скоро.
Вибрации его вдруг стали чужды.
Он стал казаться старым и ненужным.
– Прощай, диван! – мы всей семьей сказали.
Хотели выкинуть, но по дешевке взяли...
О, наши чувства, будьте бескорыстны,
Чисты, светлы, гуманны наши мысли!
Тогда со всех сторон родной вселенной
К нам лучшее слетится непременно.

III

ЗАКОН ОБРАТНОГО УДАРА

Бог троицу, всем нам известно, любит.
Не два, а три закона нам на блюде
Вселенной Разум высший преподносит.
Что каждый сеет, то он позже косит.
Добро посеешь – вырастет сторицей.
Посеешь зло – придется поплатиться.
Сказал Иисус нам притчу дорогую:
Ударят по щеке – подставь другую.
А станешь мстить, страшной вернётся кара!
Таков закон обратного удара.
Несчастный случай, пуля иль пожар –
Обратный неминуемый удар.
К примеру, некто зло творил, не думая о том,
Чем по закону он расплатится потом.
Надеялся, что смерть его спасет,
Что в рай Всевышний душу вознесёт.
Где гурии поют, там не его обитель!
Его, где мучают. Невинных душ губитель
При жизни был глупее, чем осёл.
Вселенские законы не учёл.

РУСЬ ПЬЮЩАЯ

I

Загремело в баке мусорном
Среди ночи под окном.
Сон сбежал, на сердце муторно.
Глянешь: сгорбленный, как гном,
Там мужчинка-бомжик роется,
Рядом бабонька с мешком –
Даже ночью красны рожицы.
Вместе ладом да тишком.
На буханочку ржаную,
На винцо бы кое-как
Им бутылочку пустую
Кто бы бросил в этот бак.
А сегодня счастье выпало –
Здесь кутила молодёжь.
И бутылочка пива выпито
Было столько – не сочтешь!
И бредут бомжи радёшеньки.
Стеклотара их гремит.
И заснуть бы по-хорошему,
Да сердце бедное щемит.

II

МОНОЛОГ ЖЕНЫ АЛКОГОЛИКА

Не тяни свои грабли ко мне,
К телу белому доступа нету!
Материшься и пьешь. И в мошне
Распоследнюю жилишь монету.

Из души моей вырвал вчера
Сотню кровных – опять на бутылку.
И подняли тебя мусора
На Тверской и грозили Бутыркой.

Ну зачем ты поперся туда?
Видно, спьяну шататься без дела.
Ну чего ты забыл там, мудак,
Где снимают за доллары девок?

Подсказало колдунью бабье.
Целый год я ей деньги носила
Заговаривать пьянство твое.
Не сдается нечистая сила!

А когда-то писал ты стихи
И меня рисовал на портретах.
Так скажи, за какие грехи
Я терплю наказание это?!

III

МОНОЛОГ МАТЕРИ-ОДИНОЧКИ

К селедке в винном соусе
Картошечку свари.
И пригласи, бессовестный,
Ведь как никак свои.
Не ври, что пить завязано.
Купи еще винца,
Коль я растить обязана
Ребенка без отца.

Быть не хотел папашею
И не жалел речей.
Назвал меня пропащею,
Ребенок, мол, ничей.
В суде тебе поверили,
Учтя наивность глаз,
И факты не проверили,
И дали мне отказ.
Селедки в винном соусе,
Нет денег, не куплю.
Так пригласи, бессовестный,
Я так ее люблю!

IV

Иллюзии, куда вы удалились?
Прошла любовь, как дождичек слепой.
Под ярким солнцем мы в слезах умылись.
Я отрезвела, ты ушёл в запой.

А солнцу что? Вокруг него планеты.
Не счесть ему букашек, вроде нас.
И мы с тобою даже не кометы,
Хотя меня порой носил Пегас.

Ты на балконе выстроил бутылки.
Как командир полка, глядишь на строй.
И сердцу тошно от твоей ухмылки,
Хотя я соблюдаю «Домострой».

И пусть меня порой зовешь «милашка»
И говоришь в подпитии: – Люблю.
Слиняю я, как старая рубашка,
На все четыре стороны свалю.

V

Один непризнанный поэт,
Не принятый в Союз,
Запил на двадцать долгих лет,
Лишился брачных уз.

Но с Музой связи не терял,
Хоть та пред ним в долгу.
На грудь однажды перебрал
И замерзал в снегу.

А мимо шла одна вдова,
Богатая, как Крез,
Была как стеклышко трезва.
И вдруг ей интерес...

Интеллигент лежит в снегу.
Январский ветер лют.
Идут все мимо – ни гугу.
Какой жестокий люд!

Вдовы горячая слеза
Стекла ему на нос
Поэт открыл свои глаза
И страстно произнес:

– Я слышал, женщина Метель,
Как ты меня звала.
В твою смертельную постель
Душа моя легла.

Так обними меня скорей.
Обид не береги.
Пусть стужи синий соловей
Совет гнездо в груди.

Как с поля боя медсестра
Его внесла в свой дом,
Вдова, что ангельски добра,
И Божий перст при том!

Теперь звенит его сонет
В оправе брачных уз.
И счастлив он, такой поэт,
Хоть принимай в Союз!

НА ДАЧЕ

Рубины помидоров,
Изумруды огурцов
На блюде из фарфора
На даче у жильцов.
Устроились неплохо.
Наливочка - буль-буль.
Жемчужинок гороха
Изгрызли целый куль.
По вечерам веранда
Звенит от двух гитар.
Пожалуй, и не надо
На ужин звать гетер.
Но осветили фарами
Резные ворота.
Из «мерса» вышли парой
Длиннота и Верста.
Ах, красота какая!
Прям ноги из ушей.
Улыбки горностая –
Завязочки пришей.
Тащи еще гороха,
Вина и снеси пуд.
Сначала будут охать,
А после всё сметут.
Когда гитары смолкнут
И голоса замрут,
И сигаретной смолкой
Все мундштуки забьют,
То тихо разбредутся
Шептаться под альков.
А там уж разойдутся
До первых петухов.

БЕЛО ОБЛАЧКО

А на небе бело облачко
Среди темных облаков.
И в пакете пиво, воблочка.
Лёгкий вздох твоих шагов.
По тропинке, по дороженьке
Да по шёлковой траве
Заплутали мои ноженьки.
Пляшут мысли в голове.
Ты заврался, моя ягодка,
Сети тонкие наплёл.
И всем кажется, что я гадка,
А ты блистательный орёл.
И на ситцевой простыночке
Средь некошенных лугов
Сядем дружно спинка к спиночке.
И давай без дураков!
Попируем пивом, воблочкой.
Нам полчасика – лимит.
Вона тает бело облачко,
За горою гром гремит.

РЕКЛАМА АВТОСИГНАЛИЗАЦИИ

Кричит машина во дворе.
Видать, не даром.
Сирена воет в ноте «ре».
Мигают фары.
Хоть ночь-полночь,
С воровкой вор
Ломились в «Хонду».
Орет машина во всю мочь –
Вот взяли моду!
Её хозяин крепко спит,
Напившись с другом.
Она, несчастная, вопит
На всю округу.
Соседи не жалеют слов,
Открывши раму:
– В гробу видать таких воров,
Иметь их маму!
И даже конченный алкаш
В окно с ухмылкой
Бомбил асфальт, представьте, аж
Пустой бутылкой.
Сверкнули пятки за углом
Волков позорных...
Я не спала, не спал весь дом.
Мы все в дозоре!

ДУЭЛЬ

Где добро, где зло, не разобраться.
Кто под масками добра и зла?
Вышли на обочину стреляться
Два каких-то ряженных «козла».

Как ковбои, в сапогах и шляпах.
Как бандиты, в золотых цепях.
Под хмельком заносчивы, как шляхта.
А на пальцах перстни при камнях.

С гордою решимостью на лицах,
С правдою упрямою в глазах.
Одного подружка, словно птица,
Промеж них порхает, вся в слезах.

Целятся друг в дружку, как на сцене.
Мимо я с собачкою бреду.
Женщина за мной помчалась тенью:
– Надо нам остановить беду!

Я, конечно, повидала виды.
Вновь мне быть третейскою судьей:
– Здравствуйте, России инвалиды!
– Что? Сегодня плохо с головой?

У собачки ушки на макушке –
Ухватить за брюки норовит.
Лает злобно на чужие пушки.
Ну дуэль! Ну смехотворный вид!

Каждая взяла по дуэлянту,
Обняла, поймала рыбку в сеть:
– Мальчики, мы ваши секунданты.
Дайте-ка оружие посмотреть.

Где добро, где зло, не разобраться,
С кулаками и без кулаков.
Смерть не выбирает подлых, братцы,
Но предпочитает дураков.

Разлетайтесь по родимым гнездам,
Два хмельных безмозглых петуха.
Умереть вам никогда не поздно.
Дайте бабам пушки от греха!

АВАНТЮРИСТ И ПТАШКА

Тебя любил авантюрист
Он был блондинист и басист.
Рубашки дорогой батист.
Пиджак лилово-бархатист.
То пессимист, то оптимист,
То монархист, то анархист,
То православный, то буддист,
То нигилист и атеист.
То он артист, то он дантист,
То бизнесмен, то журналист.
А в общем – злой рецидивист.
Спер бриллиант и аметист.
И смылся гадкий аферист
На Акапулько как турист.

—

Но не любила ты его,
А, может, даже сверх того!
Хотя грудашка и мордашка,
Глазяшки – свиду вся милашка.
Но дурой не была губашка.
Во всём пиратская замашка.
Все под себя, как кудкудашка:
Авто и шубы – без промашки.
Язык острей казацкой шашки.
Ты то чертовка, то монашка.
Принцесса или замарашка.
Каков сценарий ушлой пташки?
Вначале – сельская ромашка,
Душа – рубашка на распашку.

Клюет, как школьница, фисташки.
Коль нищий влюбится дурашка,
Ему суровая отмашка.
Богатый втюрится болвашка,
Стрижет под нолик, как барашка.
На Акапулько полетит.
И бриллиант и аметист
Вернет в сто крат дружок бывалый.
Его здесь рядом не лежало!

* * *

Тебя любили мало.
Одна лишь только мама
Безумно обожала,
Пока была жива.
Жён жутких вереница:
Волчица, вепрь, ослица
Вонзали в твоё сердце
Свои клыки-слова:
– Лентяй, кусок уroda,
Растяпа, лох, жадоба...
Не перечесть всех злобных
И метких ярлыков.
Но ты не пререкался,
Хотя и обижался.
В душе тая надежду,
На сердобольных вдов.

Ивану Васильевичу Рыжикову

Мы живём на земле,
И смеясь, и тоскуя, и бедствуя,
Не за тем, чтобы гордую славу
За полы хватать.
Не за тем, чтоб за гробом –
Толпа, как нашествие,
И спешила хвалою
Кладбищенский двор оглашать.
Из родимой земли,
Точно русские реки,
Начинаемся мы,
Сколько тех земнородных ключей!
В нас немое, как стоны,
Зачатие речи
Вдохновением стало
В одну из ночей.
Напряженьем своим
Умножая народные силы,
Как надрывные ветры,
Военные песни поём,
Мы такие ж, как все,
Работающие дети России,
Мы поэты России,
Любимые дети её.
А настанет черёд
Записаться в солдаты.
Мы рванёмся вперёд,
Ибо песня, как знамя, ведёт.

И пускай в суматохе
Забудутся даты
И места роковые,
Кто где упадёт.
Рядовым, безымянным,
Но в миг тот решающий нужным
Строевым запевалой
Я в бой свой последний уйду,
Чтоб за стоном
«Ура!» закричали товарищи дружно
И рванулись в атаку,
Сметая любую беду.

Алле Леонидовне Карпенко

Под каждым переплетом – тайна.
У каждой книги голос свой.
Зайдешь по делу иль случайно
В библиотеку в час любой.
И кажется, меж полок тесных
Весь день-деньской бы простоял,
Как лучик солнца бестелесный
Иль чей-то светлый идеал.
Библиотекарь, как святая.
С такой зарплатой – пост на год.
На дразги жизни невзирая,
Теплом отметит ваш приход.
Небесной одарит улыбкой,
Что ангел подле райских врат.
И жизнь не кажется ошибкой
Иль взятой где-то напрокат.

Маргарите Филатовой

Живо мелькают дней вереницы.
Горько утехам, сладостно мукам.
Книга открыта на первой странице.
Жизнь, как стрела, что пустили из лука.
Время не вправе вновь повториться.
Старым печалям – новые песни.
Книга открыта на первой странице,
А оглавление нам не известно.
Пусть, словно гордые сильные птицы,
Годы твои высоко пролетают.
Книга открыта на первой странице.
Добрые люди её прочитают.

Вячеславу Пушкину

Память прошлое итожит
Волос к волоску.
Как Бог на душу положит,
Выведу строку.
В электрическом камине
Пляшут огоньки.
Не осталось и в помине
По тебе тоски.
Разметали милых дали
По краям земли.
Истину найти в бокале
Вместе не смогли.
Ничего уже не надо
Ни тебе, ни мне.
Крепко спишь ты за оградой
В тихой глубине.
В мире зла, где всё продажно,
Где чужой – поэт,
Я живу еще отважно,
А тебя уж нет.
Да простит Отец небесный
Все твои грехи
За любовь, за путь наш крестный,
За мои стихи.

Галине Талалаевой

Твой зимний сад
Нас встретил, словно маг,
Скрывающий под мантией секреты.
Ударить бы могла я об заклад:
Здесь не пятак, затиснутый в кулак,
А сплошь необычайные предметы.

Нам не потрогать их.
Лишь сердцем ощутить
Любви алмаз, разбуженный рассветом.
И терпкий, как вино, полночный стих.
И лунного мотка серебряную нить,
Соткавшую судьбу с затейливым сюжетом.

Твой зимний сад –
Король метаморфоз,
То летним вдруг предстанет, то осенним.
Твои года считает наугад
Кукушка щедрая, дающая прогноз –
Жизнь долгую прожить под яблоневою сенью.

Наш добрый друг,
Живи и процветай,
И вдохновенно пой, как птица в райской куще.
Не любит сад разлук –
Почаще вспоминай
Перо и чистый лист. И голос Всемогущий.

14 июня 2002 г.

Валерию Аушеву

Сквозь времени синюю дымку
Давай оглянемся назад,
Когда мы ходили в обнимку
С любимыми в праздничный сад.
Встречал Первомай честь по чести
Военный родной городок.
Играл гарнизонный оркестрик.
Все были под мухой чуток.
И зависти нашей виновник,
Нас доблестной славой дразня,
Седой авиатор-полковник
Плясал, орденами звеня.
Ты, может, припомнил с грустинкой,
Что лучшее наше прошло.
Как песня на старой пластинке,
Жизнь брошена веком на слом.
Что лжи паутина годами
Плелась мировым пауком.
Что светлого нам не додали.
И черный в нас катится ком.
Но всё же нам рано сдаваться
С немалым нажитым умом.
Под гром юбилейных оваций
Ты пишешь значительный том.
Герои твои не речисты,
И подвиг венчает их путь.
И можешь ты с совестью чистой
Медали повесить на грудь.

КАРУСЕЛЬ

Седока ждёт конь ретивый.
В нетерпенье бьёт копытом.
Деревянный, с жесткой гривой,
По извечной мчит орбите.
Карусель, да ты спасенье,
Имитация дороги!
Прыгнув ловко на сиденье,
В стремена поставлю ноги,
Потому как все мы, люди,
Любим жадно, не иначе.
И коней в погоне губим,
Веря в скорую удачу.
Чудится вдали твой голос.
Месяц кружит в лёгкой дымке.
Мчится ввысь беспечный город
С пьяным вечером в обнимку.
Платье алым флагом реет.
В чёрный круг сомкнулись ели.
Подойди, мой друг скорее
К сумасшедшей карусели.
Посмотри, как злобно кони
На дыбы встают и рвутся.
Ты поймёшь, в такой погоне
С гривы руки оборвутся.
Тело, словно белый флюгер,
Что развёрнут был ветрами,
По безжалостному кругу
Мчит и болью душу ранит.
А любовь похуже пытки.

– Хватит муки! – шепчет пылко, –
С высоты пади на плиты
Под копыта, под копыта!
Траектория смертельна,
Чтоб не жить на карусели.
Вот он страшный миг разлуки –
Конь летит всё выше, выше...
И к тебе тяну я руки,
Но тебя уже не вижу.

1967 г.

* * *

Ослабела я душой и телом.
По утрам, как пташка, не пою.
Вот уже полвека пролетело.
На распутье горестно стою.

Хоть не богатырь, а всё ж читаю
Надписи на камне: три пути.
И, куда теперь идти, я знаю:
Душу свою грешную спасти!

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	2
СВЕТ НАДЕЖДЫ И ОПТИМИЗМА	4
ПОЛУНОЧНЫЙ АККОРД	
«Пусть жизнь не стоила гроша...»	7
«И тайной ваших губ влекома...»	8
«Знаю, буду я в итоге...»	9
«Вначале казалось: я женщина Ветра...»	10
«В поэтессах хожу «молодых»...»	11
В поле	12
Сосны всходят по холму	13
«Растоплен круг в окне заиндевелом...»	14
«Итак, не сыграна игра...»	15
Слепые музыканты	16
Каштан	17
Сад страстей	18
Гроза	19
Дождь и я	20
Невидимке	21
Крещение смолян	22
«Я оставляю вам всё, что имею...»	23
Успенскому собору	24
«Я – послевоенный побег...»	26
«Серебристая россыпь на стеблях травы...»	27
«Багульник распустил бутон...»	28
«У меня в мечтах ты жил...»	29
«Ночь разлила свои чернила...»	30
Зимняя элегия	32
Знахарь	33
Прощай, мое лето	34
«Не твоя, не чужая...»	35
К Музе	36
Горькие яблоки	37
Наших дней только два	38
Освобожденный	39
Письмо из деревни	40
Стоящий на моем пути	41
«Когда же сфинкс заговорит?...»	42
Дом у сада	43
Юнга	44
Мир городу	45
«Она средь нас была иная...»	46
Художница	47
С тайной своей молчаливой	48
Ответ на проклятье	49
Воспоминание о сахалинских снегах	50
«Мой милый, мой поэт, мой вождь...»	51
Отчая криница	51

Об одном поэте	52
«Прощайте, вчерашний!..»	53
Геологу Виру	54
Плач по былой отваге	55
Пленение кобылицы	56
«Предательство изведать мне дано...»	57
Прощальная осень	58
Разведенным друзьям	60
«Меня спасли от славы...»	61
Письмо из прошлого	62
«На безлюдных аллеях...»	63
На индийском фильме	64
«Алой малины ягоды спелые...»	65
О Родине	65
Судьба	66
О, родная земля!..	67
Сулико	68
«Ветер ворвется осенний...»	69
Песенка о необъяснимой печали	70
Притча о доме	71
«Как ты сжился пошло...»	72
«Мне не избавить память от возврата...»	73
Сахалин	74
«О, Грузия, тебе привет...»	75
«Хулиган, несмышленный мальчишка...»	76
Элегия в Дрездене	77
У меня нет толкачей...	78

МОЛИТВА О РУСИ

«Я птица на Божьей ладони...»	81
Ангел Хранитель	82
«Белая лошадь России...»	83
Письмо из Сибири маме в Крым	84
Молитва о Руси	85
Молитва за невинных	86
Молитва странников	87
Молитва за непролитие крови	87
«Кто бы ни были мы...»	88
Сергей Есенин	89
«Хнычущий кран перекрою...»	90
«Живи своим умом...»	92
«Мне Божественная сила...»	93
«У большинства – немая роль...»	94
«Белоснежная Муза...»	95
«В Зазеркалье мы живем...»	96
«Среди снежного раздолья...»	96
«Отрадно в мирке захолустном...»	97
«Не Бог весть что тетрадь моя...»	98
Сибирским казакам	98
Глас народа	100

Черные	100
Каратистка	101
«Ты просишь любви...»	102
«Дорога поздняя мне выпала...»	103
«О Новый Год! Я на твоих пирах...»	104
«Сияют бритьянтовой крошкой...»	105
«У суеты урвать волшебных полчаса...»	105
Снегурочка	106
Перед дебютом	108
«Священный лотос мистицизма...»	109
Евгении Федосовой	110
«Душа ребенка...»	113
«Белые свечи, зеленый огонь...»	114
«Муза твоя Терпсихора...»	115
Подругам	116
Притча о светильнике	117
Жена моряка	118
Молитва о спасении	120
Отцу моему Иосифу	121
«Пленница военного кочевья...»	122
«Излучают свет твои портреты...»	124
«А он глядит из черной рамы...»	125
«Выдумывать любовь...»	126
Любовь	127
«О, наконец-то, март, угодник женский...»	128
О взаимной любви	129
«Мне удача легко не давалась...»	130
«Есть странная тайна у вас...»	131
Угреша	131
«Я сегодня в ночи – безголосая птица...»	133
К портрету красавицы, приносящей удачу	134
«Звезда, дрожащая, как слеза...»	138

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

«В платье зеленом из дома я вышла...»	141
«Нет мамы и отца...»	142
«Приснилась мне бабушка Анна...»	143
«Пока в тетрадь ложились строки...»	144
«Где мои годы? Мне снова шестнадцать!..»	145
«А я пойду гулять по улице Лермонта...»	146
Жасмин в Крыму	147
Офицерская печальная	148
Геометрия жизни	149
«Граненое стекло...»	150
«Сотни женщин в тебя влюблены...»	151
Гамамелис	152
«Средь сонного снежного сада...»	153
«Ты упал на сиреневый снег...»	154
Монолог подруги	155
«О, будущее в сером тумане...»	156

«Рыжая шальная осень-хулиганка...»	157
«Листы мертвы и брошены небрежно...»	158
«Познал ты значение свободы...»	159
«За чашкой остывшего чая...»	160
«Скоро катер во тьму отчалит...»	161
Веточки вербы	162
«От срезанных цветов в доме царит тоска...»	163
«Харьков, тенистые переулки...»	164
«Двенадцать долек мандарина...»	165
«Обезумев, тайфуны швыряли в луну кораблями...»	166
Федерико Гарсиа Лорка	168
«Блуждание ума и плоти...»	169
Зимний сон	170
Прощание с молодостью	171
«Крупинки сахара и соли в углу клеенки...»	172
«О, женщины, родившие драконов...»	173
«Губ карминовый жар...»	174
«Встречая осень...»	175
«И водка – не очень...»	176
«Прозаична твоя луна...»	177
«Зеленой пастой напишу июльские стихи...»	178
«Светлый друг войдет внезапно...»	179
«Надежда, подруга, скорей приезжай...»	180
«Сегодня солнца луч...»	181
Осеннее настроение	182
Переписка с ушедшей зимой	184
«Пред вами в долгу я – за боль от ожога...»	186
ВИРА!	
«Не чувствует почвы душа под собой...»	189
«Снег ноздреват, как сыр голландский...»	190
«Ходит по кругу февральская вьюга...»	191
«Мне мера во всем была выше, как имя, дана...»	192
Крик бабочки	193
«Стареющая красота...»	191
«Не стыжусь одиночества бремени...»	195
Мой юный Пушкин	196
«По снегу голубому...»	197
«Море холодом встретило осень...»	198
Малая родина	199
«Я стою у своего портрета...»	200
«Нет, предаваться страсти оголтелой...»	202
«Когда бы Бог избрал себе народ...»	203
Балласт	204
«Ты умирал на грузино-абхазской войне...»	205
О вечном	206
Колыбельная для дочек	207
«Тает горсточка снега в ладони...»	208
«В России знаменитым трудно быть...»	209
Клятва	210

На планете вампира	212
«Как муха, очутившись в молоке...»	213
«В мире ином все не так...»	214
Молитва	215
«Подарила розу мне Фироза...»	216
«Люблю я молиться ночами...»	217
«Любовь, быть может, вечной и бывает...»	218
«Флажками колышутся блики...»	219
Неотправленное письмо	220
«Яркий мир любви, цветов и радуг...»	222
«Листочки блокнота...»	223
Молитва о бездомных	224
«Постарели. Дальше что же?...»	225
Проза жизни	226
Дочерям Илоне и Инне	227
«На краю обрыва...»	228
«Дремлет светотень...»	228
«То ли дождь, то ли снег...»	229
«Страсть любви отбушевала...»	230
О бедной душе богача	231
Не судьба	232
Любовь и удача	233
Мистическое	234
«Милый, ты себя погубишь...»	235
«Читаю стихи нимфоманки...»	236
Амазонка и компьютерчик	237
На день празднования города Дзержинский	239
Год дракона	241
Три закона	243
Русь пьющая	246
На даче	251
Бело облачко	252
Реклама автосигнализации	253
Дуэль	254
Авантюрист и птичка	256
«Тебя любили мало...»	257
Ивану Васильевичу Рыжикову	258
Алле Леонидовне Карпенко	259
Маргарите Филатовой	260
Вячеславу Пушкину	261
Галине Талалаевой	262
Валерию Аушеву	263
Карусель	264
«Ослабела я душой и телом...»	265
Содержание	266

Татьяна Иосифовна Уварова

ПРЕДЗИМЬЕ

Стихотворения

Редактор-составитель И.В. Рыжиков

В книге использованы иллюстрации Татьяны Чадаевой и Ильи Исаева

На фото: Татьяна Уварова

1. На обложке – о. Сахалин, 1965 г.
2. На стр. 3 – г. Смоленск, 1990 г.
3. На стр. 6 – г. Харьков, 1968 г.
4. На стр. 31 – г. Харьков, 1967 г.
5. На стр. 80 – г. Евпатория, 1997 г.
6. На стр. 140 – г. Смоленск, 1990 г.
7. На стр. 188 – г. Москва, 2003 г.

Московская городская организация

Союза Писателей России

Москва, ул. Герцена (Б. Никитская), 50/5

Лицензия № 030723 от 18.02.1997 г.

Подписано в печать 26.01.2004. Формат 84×108 1/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ 5071.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,

140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86

СТИХОТВОРНЫЙ АВТОГРАФ
